

UCRAINICA

ПОМИНКИ

ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА

ШЕВЧЕНКА

25-го февраля 1879 года

въ одессѣ.

Сост. А. Т.

Доходъ отъ этого изданія поступаетъ въ капиталъ на основаніе въ память Т. Г. Шевченка народной школы его имени.

Одесса.

Типографія «Новор. Телеграфъ», Сабанскій переулокъ, д. № 2.

1879.

29.а
51

НАУКОВА БИБЛОТЕКА ОНІМІИ.І. ШЕВЧЕНКОВА

ПОМИНКИ #4

ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА

ШЕВЧЕНКА

25-го Февраля 1879 года

ВЪ ОДЕССѢ. Чкр

Сост. А. Т.

Доходъ отъ этого изданія поступаетъ въ капиталъ на
основаніе въ память Т. Г. Шевченка - народной школы
его имени.

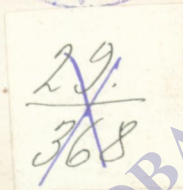
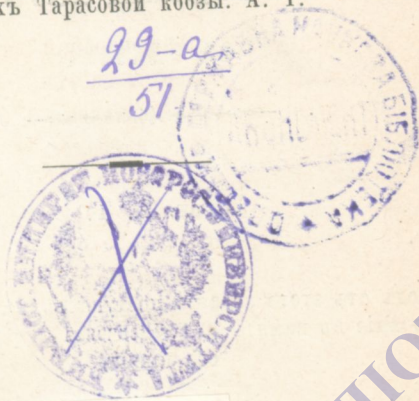
Одесса.

Типографія «Новор. Телеграфъ», Сабанскій переул., д. № 2.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Біографическій очеркъ С. Е. (Правда № 43)
2. Поминки Т. Г. Шевченка («Одес. Вѣст.» № 43)
3. Т. Г. Шевченко («Новорос. Тел.» № 1194)
4. 0 струнахъ Тарасовой кобзы. А. Т.

Дозволено цензурою, Одесса 13 марта 1879 года.

XVIII-ю годовщину смерти Т. Г. Шевченка помянула и мѣстная одесская печать: 25-го февраля всѣ три мѣстные газеты посвятили памяти «батька» по статьѣ: старѣйшая газета южно-русскаго края, «Одесскій Вѣстникъ», въ прошломъ еще году открывшій подписку на устройство памятника Шевченку, представилъ общій отчетъ о поступившихъ въ редакцію пожертвованіяхъ; «Новороссійскій Телеграфъ» въ этотъ день познакомилъ своихъ читателей съ отзывами о Шевченкѣ наиболѣе авторитетныхъ нашихъ ученыхъ, а «Правда» предложила своимъ читателямъ, кромѣ передовой статьи, посвященной памяти Шевченка, краткій біографическій очеркъ его жизни.

Это согласное вниманіе мѣстной печати Новороссійскаго края къ памяти великаго народнаго поэта представляется намъ фактомъ отраднымъ, который подаетъ намъ надежду на осуществленіе памятника, которымъ почтить поэта общество Новороссійскаго края. Не дать затеряться этому факту и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности содѣйствовать большому распространенію въ обществѣ свѣдѣній о незабвенномъ кобзарѣ—вотъ цѣль этого изданія, весь доходъ отъ котораго поступитъ въ капиталъ на основаніе въ память Т. Г. Шевченка народной школы его имени. Въ этой, такъ сказать, «поминальной» книжечкѣ читатели найдутъ, кромѣ представленнаго въ день 25-го февра-

ля мѣстными газетами матеріала, небольшой очеркъ нѣкоторыхъ сторонъ поэзіи Шевченка, составленный мною при чтеніи послѣдняго изданія «Кобзаря». Если предлагаемое изданіе возбудитъ въ лицахъ, не знакомыхъ съ произведеніями Шевченка, желаніе узнать ихъ, а затѣмъ и почтить память поэта посильнымъ пожертвованіемъ на основаніе достойнаго памятника—цѣль моя будетъ достигнута.

А. Т.

1-го марта 1879 года. Одесса.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(25 февраля 1814—26 февраля 1861 г.).

Биографическій очеркъ.

25 февраля 1814 г., въ имѣніи помѣщика Энгельгардта Киевской губерніи, родился въ крѣпостной крестьянской семьѣ Тарасъ Шевченко. Съ малыхъ лѣтъ предоставленный самому себѣ, какъ и большинство крестьянскихъ дѣтей, онъ бродилъ цѣлые дни по деревнѣ, по полямъ, и рано чуткая душа ребенка стала откликаться на голосъ природы. Чудныя картины Украйны рано пробудили въ немъ чувство красоты, фантазію и анализъ окружающаго. Особенно ярко выступаетъ это въ слѣдующихъ 2-хъ случаяхъ дѣтской жизни Шевченка. Разъ далеко, далеко въ степи, за нѣсколько верстъ отъ деревни, нашли маленькаго усталаго Тараса проѣзжіе чумаки. Онъ шелъ искать конецъ свѣта, гдѣ, какъ ему говорили, есть какіе-то желѣзные столбы между небомъ и землею; ему хотѣлось посмотрѣть на нихъ и рассказать о видѣнномъ любимой сестрѣ Принѣ. Чумаки привезли его домой. Тогда ему было лѣтъ 5—6. Въ другой разъ никто не рѣшался войти въ пещеру, бывшую неподалеку отъ деревни. Тарасъ смѣло пошелъ туда, и съ тѣхъ поръ пещера часто служила ему убѣжищемъ отъ домашнихъ бѣдъ. А бѣды эти обрушились на его голову послѣ смерти любимой и любящей ма-

тери, когда въ домъ явилась мачиха. Черезъ 2 года послѣ того умирающій отецъ, дѣля хозяйство между дѣтьми, говорилъ о 8-ми лѣтнемъ Тарасѣ: «сынові моему Тарасу нічого не треба зъ моего хозяйства; винъ не буде абиякимъ чоловікомъ; зъ него вийде або щось дуже добре, або велике ледащо, для его мое наслѣдство або нічого не буде значить, або нічого не поможе».

По смерти отца начинается скитальческая жизнь нашего поэта. Раньше еще онъ обучался немного у мѣщанина Губскаго, а, оставшись сиротой, отданъ былъ въ науку къ пьяному деспоту—дьячку. Упорный, самостоятельный характеръ мальчика страдалъ отъ постоянныхъ униженій, и только въ саду сосѣдняго крестьянина, подѣтнью калины, въ собственноручно сдѣланномъ шалашѣ, отдыхалъ онъ отъ жестокаго гнета. Тутъ, весь отдаваясь поэтическимъ стремленіямъ, Тарасъ рисовалъ, списывалъ стихи Сквороды и напѣвалъ ихъ наединѣ. Наконецъ, почувуясь какой-то невѣдомой силой, которая влекла его къ живописи, Тарасъ бросаетъ дьячка и бѣжитъ въ сосѣднее село искать науки у маляра. Неудачи преслѣдуютъ его: маляръ отрицаетъ талантъ мальчика, и тотъ рѣшается стать пастухомъ. Но тутъ какъ-то попадаетъ онъ на глаза помѣщику Энгельгардту и становится его козачкомъ. Лакейская жизнь могла-бы стубить другого человѣка, но не Шевченка. Среди всѣхъ мелочей и грязи обыденной обстановки, бывшее ключемъ въ душѣ его свѣтлое поэтическое чувство и сильный самостоятельный, подчасъ упрямый, характеръ не давали ему отупѣть. Сидя въ лакейской, путешествуя съ хозяиномъ въ Кіевъ, Вильно и т. д. по почтовымъ станціямъ, Шевченко пользовался каждой

минутой, чтобы рисовать, и уходилъ съ головой въ это занятіе, добывая себѣ всеми правдами и неправдами лубочныя картинки для моделей. Жестоко поплатился онъ однажды, когда баринъ его, вернувшись съ вечера, засталъ его углубившимся въ рисованіе среди барскихъ комнатъ при зажженныхъ свѣчахъ. Шевченка высѣкли; но помѣщикъ убѣдился, что изъ мальчика лакей плохой и попытался сдѣлать его комнатнымъ маляромъ. Тарасъ сталъ учиться у маляра въ Вильнѣ, а потомъ по совѣту этого же мастера, признавшаго въ мальчикѣ талантъ, помѣщикъ отдалъ Тараса къ художнику въ Варшаву. Тутъ 16-ти лѣтній Шевченко полюбилъ впервые дѣвушку — полькушвею, съ независимымъ образомъ мыслей, и тутъ, по словамъ самого поэта, ему впервые пришла въ голову мысль о томъ, что и они, крѣпаки, могутъ и должны пользоваться человѣческими правами наравнѣ съ другими сословіями. Не долго продолжалась поэтическая пора въ жизни юноши.

18-ти лѣтъ онъ былъ, вмѣстѣ съ другими дворовыми, переведенъ этапнымъ порядкомъ въ Петербургъ, куда переселился его баринъ. Этотъ послѣдній, видя несомнѣнные успѣхи Шевченка въ рисованіи и полнѣйшую неспособность его къ лакейской службѣ, рѣшился контрактовать его на 4 года къ одному изъ петербургскихъ маляровъ; но тутъ опять было одно лишь малярство, не удовлетворявшее Шевченка.

И вотъ онъ, измученный дневною работою, уходитъ по вечерамъ въ Лѣтній садъ и тамъ просиживаетъ прекрасныя свѣтлыя сѣверныя ночи, рисуя со статуей, или мечтая наединѣ съ природой о лучшемъ будущемъ. Наконецъ, это лучшее наступило. Новый знакомый Тараса

Григорьевича, художникъ Сошенко, представилъ его секретарю академіи художествъ Григоровичу, какъ недюжинный самобытный талантъ. По инициативѣ его, среди людей, знавшихъ Шевченка, возникла мысль о его освобожденіи, изъ крѣпостнаго состоянія. Поэтъ Жуковскій просилъ извѣстнаго художника Брюлова написать его (Жуковского) портретъ, который и былъ разыгранъ въ лотерею въ 2,500 рублей. Этими деньгами, врученными Энгельгардту, была куплена воля Тараса.

Шевченко начинаетъ посѣщать академію. Но съ этого времени живопись отступаетъ у него на задній планъ и все сильнѣе и яснѣе чувствуетъ онъ въ себѣ иной талантъ, зовущій его на другую дорогу. Въ Лѣтнемъ саду, въ студіи Брюлова, въ загородныхъ прогулкахъ, передъ Шевченкомъ носятся художественные образы, которые такъ и рвутся на волю, такъ и ждутъ воплотиться въ звучныхъ мелодичныхъ строкахъ. Шевченко болѣе не противится этому неудержимому влеченію: онъ оставляетъ живопись и предается поэзіи. Въ 1840 года вышло первое изданіе его «Кобзаря». Вотъ какъ говоритъ объ этой первой порѣ своей поэтической дѣятельности самъ поэтъ: «Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ трактирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ, проведенныхъ подлѣ убогаго батьковского стрѣхоу, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ».

На далекомъ сѣверѣ въ памяти поэта воскресаютъ картины украинской природы и образы ея героев: вспо-

минаются ему рассказы столѣтняго дѣда, очевидца уманской рѣзни, и сильными величавыми звуками передаются онѣ въ поэмѣ «Гайдамаки», вышедшей въ 1841 г. Наконецъ, Шевченко, стосковавшись по родинѣ, ѣдетъ на югъ въ 1844 г.

Въ Малороссіи уже знали, читали и любили его стихи. Общество помѣщиковъ лѣвобочной Украйны въ то время было не то, что въ началѣ 30 годовъ. Образованность, хотя крайне поверхностная, проникла и сюда. Женщины уже учились въ институтахъ, французскій языкъ не считался диковинкой. Выписывались журналы, особенно «Библіотека для чтенія» и «Отечественныя Записки», гдѣ, правда, статьи Бѣлинскаго оставались перазрѣзанными, но литературная лѣтопись Брамбеуса читалась съ удовольствіемъ, а драматическія фантазіи Кукольника заучивались даже наизусть.

Изъ среды этого помѣщичества выдѣлялись и такіе люди, которые набирались изъ Франціи не только модъ и танцевъ, а и свободныхъ человѣческихъ мыслей. Эти люди, благодаря крѣпостному праву, которое давало нищу барской лѣни и калѣчило ихъ натуру, не могли отрѣкнуться отъ разгульной жизни и стать полезными работниками для общества; они находили исходъ своимъ жизненнымъ силамъ въ пьянствѣ, достигавшемъ грандіозныхъ размѣровъ. Съ этою цѣлью они устроили такъ называемое «общество мочемордія» съ своеобразнымъ уставомъ; сюда-то поцалъ и нашъ Тарасъ Григорьевичъ. Читая описанія этого общества хоть-бы у Аванасьева-Чужбинскаго, теперь мы невольно скажемъ: «хороша компанія для украинскаго кобзаря!» Но все таки мы думаемъ, что въ то время онъ

вынесъ изъ этой компаніи кое-что кромѣ пьянства. Среди этихъ пановъ, изъ которыхъ выходили «мочеморды», были люди не только съ «щирымъ» сердцемъ, но и съ нѣкоторыми свободными мыслями въ головѣ, зашедшими сюда съ французскими книжками Гюго, Ламартина и др.

Знали здѣсь и Мицкевича. Были тутъ и образованныя женщины, понимавшія Шевченка, и графъ Яковъ Бальмень, которому Шевченко посвятилъ написанный тогда-же «Кавказъ», и др. И, кажется, мы не ошибѣмся, сказавши, что это общество, своими отрывочными фразами, свободнымъ, рѣзкимъ словомъ критики, имѣло не малое вліяніе на Шевченка, расширяя его кругозоръ.

Но Шевченко не получилъ систематическаго образованія. Еще въ Петербургѣ, у маляра Ширяева, онъ занимался самообразованіемъ, читалъ книги, какія попадались подъ руку, безъ всякой системы. Не могъ онъ найти се для себя и на югѣ ни въ кругу знакомыхъ специалистовъ-славянщиковъ кіевскихъ, ни въ компаніи свѣтскихъ пріятелей. И только здоровый природный умъ поэта не позволялъ ему теряться въ туманѣ кой-какъ приобритенныхъ знаній и давалъ возможность имѣть такія логическія сужденія, дѣлать такіе смѣлые выводы, которые поражали людей съ гораздо большимъ развитіемъ и образованіемъ.

Въ Кіевѣ Шевченко попалъ въ другое общество — въ кружокъ молодой интеллигенціи. Я говорю о «Кирило-Меодіевскомъ братствѣ».

Во главѣ общества стояли Костомаровъ, Гулакъ; къ нимъ присоединился и Шевченко. Вокругъ нихъ группировались другіе. Къ этому времени относятся нѣсколько стихотвореній Шевченко (Сванъ Гусь Посланіе до земля-

кѣ), гдѣ онъ въ поэтической формѣ выражаетъ идеи кружка, но болѣе рѣзко, нежели онѣ исповѣдывались другими членами.

Вообще, это былъ плодотворный періодъ въ поэтической дѣятельности поэта.

Существованіе Кир-Меод. братства было, однако, непродолжительно: Костомаровъ былъ сосланъ въ Саратовъ, а Шевченка послали служить солдатомъ сначала въ Орскую крѣпость, а затѣмъ въ Оренбургъ. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ ученой экспедиціи Бутагова на Аральское море. Альбомъ прекрасныхъ рисунковъ Аральскаго побережья, писанныхъ Тарасомъ Григорьевичемъ, былъ поднесенъ ген. Обручеву. Но жизнь, казалось, хотѣла сломить волю поэта: измучивши его, убить въ немъ талантъ, его жизненные силы. Вслѣдъ за аральской экспедиціей пришелъ указъ о переводѣ Шевченка на азіатскій берегъ Каспійскаго моря, въ Ново-Петровское укрѣпленіе, съ запрещеніемъ писать и рисовать. Но Шевченко былъ не изъ слабыхъ натуръ. Униженный и оскорбленный, въ солдатской нагарѣ, въ грубой бурбонской средѣ, онъ не поступился своими убѣжденіями и украдкой писалъ стихи въ маленькой книжечкѣ, которую старательно пряталъ; да, правда, искалъ утѣшенія своимъ нравственнымъ страданіямъ въ чаркѣ горилки.

Черезъ 10 лѣтъ, въ 1857 году, Шевченко былъ возвращенъ. Послѣдніе два года, проведенные въ ссылкѣ, онъ нѣсколько оживился: ему позволили рисовать и получать книги. Стихотворенія его за все время изгнанія проникнуты грустнымъ, мрачнымъ чувствомъ; форма ихъ, быть можетъ, лишена той легкой изящной отдѣлки, какою от-

личаются его первыя произведенія, но общественные взгляды здѣсь, бесспорно, шире.

Тотчасъ по своемъ освобожденіи, Шевченко отправился въ Петербургъ; однако недолго пробывъ тамъ: его таянуло на Украину. Въ 1859 г. онъ пріѣхалъ въ родное село и засталъ тамъ еще въ живыхъ родичей; особенно радостна была встрѣча поэта съ любимой сестрой. Но болѣно сжималось его сердце при видѣ близкихъ ему людей въ крѣпостной зависимости, весь гнетъ которой онъ вынесъ на своихъ плечахъ. И этому горю онъ не могъ помочь, не могъ даже матеріально, такъ какъ, самъ бѣднякъ, онъ въ состояніи былъ, уѣзжая, оставить сестрѣ одну рублевую бумажку. Изъ села онъ направился въ м. Кореунъ къ названному брату своему В. Гр. Шевченко, у котораго онъ, измученный и тѣломъ, и душой, провелъ нѣсколько времени въ полномъ спокойствіи. Тогда-же они вдвоемъ отыскивали мѣстность, удобную и живописную, гдѣ-бы Шевченко могъ поселиться навсегда. Затѣмъ поэтъ уѣхалъ снова въ столицу; здѣсь мысль, явившаяся у него еще во время ссылки, овладѣла имъ—мысль найти себѣ скромную подругу, съ которою-бы онъ могъ провести остатокъ жизни. И тутъ, въ рѣшеніи одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ личной жизни, Шевченко не измѣнилъ своему чистому демократизму—онъ хотѣлъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ, работницѣ—сиротѣ. Еще въ Корсуни онъ видѣлъ у В. Шевченко служившую дѣвушку Хариту: теперь Тарасъ Григорьевичъ написалъ, чтобы тотъ переговорилъ съ Харитою насчетъ замужества съ Тар. Григ. Напрасно друзья поэта старались то шутя, то серьезно отклонить его отъ неравнаго брака. На всѣ ихъ

убѣжденія Шевченко отвѣчалъ: «Я по плоти и духу сынъ и братъ нашего безталаннаго люду, то ятъ же таки себе поеднать съ паньскою кровью? Та й що буде робить та панночка одужована въ мой мужицький хати»? Харита отказалась; она любила какого-то писаря. Тарасъ Григ. огорчился, но скоро задумалъ новое сватовство: на Гликеріи, своей землячкѣ, служившей у петербургскихъ знакомыхъ его. Но легкомысленная, малоразвитая и молоденькая дѣвушка, конечно, не могла понять Шевченка. Она скоро показала ему вътрѣнной, любящей наряды, деньги и удовольствія,—и дѣло, наканунѣ свадьбы, разстроилось. И тутъ Тараса Григорьевича преслѣдовала неудача. Затосковалъ батько и покинулъ мысль о женитьбѣ, быть можетъ, до того времени, когда онъ поселится на югѣ. А это желаніе стало въ немъ теперь еще настойчивѣе и онъ постоянно писалъ В. Гр. Шевченку, чтобы тотъ поскорѣе купилъ мѣсто для хаты. Наконецъ, подходящая мѣстность была найдена: на крутомъ берегу величаваго Днѣпра, на горѣ, у подошвы которой ютились рыбацки хаты, а за горою сталась широкая вольная степь. Обрадованный Тарасъ Григорьевичъ уже выслалъ и деньги за землю, да не суждено ему было умереть на родинѣ.

Уже въ концѣ 1860 г. ему было очень худо: водяная быстро развивалась. Въ январѣ 1861 г. онъ писалъ мрачныя письма къ друзьямъ; а въ февралѣ болѣзнь быстро развилась, водяная бросилась въ легкія, и 26, въ 5 часовъ утра, поэтъ не стало.

Последній день именинъ поэта, 25 февраля, прошелъ для него въ страшныхъ страданіяхъ. Присутствие

друзей, собравшихся къ нему, телеграммы, полученные изъ Харькова, изъ Полтавы, особенно послѣдняя*), на время оживили его, но это продолжалось недолго. Доктора были нѣсколько разъ; къ вечеру Тарасу Григорьевичу сдѣлалось хуже. Онъ выслалъ всѣхъ и одиноко провелъ эту послѣднюю страдальческую ночь. Нѣсколько лицъ оставалось ночевать внизу, въ его мастерской. На утро слуга, оставленный М. М. Л—мъ въ сосѣдней комнатѣ, вошелъ къ поэту и тотъ сказалъ ему: «убери-же ты комнату, а я сойду внизъ». Онъ сошелъ въ мастерскую, зашатался и упалъ мертвымъ.

Похороны Шевченка представляли рядъ проявленій одного общаго горя, общей незамѣнимой утраты. Въ маѣ мѣсяцѣ тѣло поэта было привезено въ Кіевъ, а оттуда по Днѣпру, сопровождаемое массой почитателей поэта, перевезено въ мѣстность близъ города Канева и тамъ похоронено согласно завѣщанію поэта:

«Якъ умру, то поховайте
Мене на могили,
Середь степу широкого,
На Украини мылій:
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Булы видни, було чути,
Якъ реве ревучий».

Въ заключеніе приведемъ слова Л. Жемчужникова о Тарасѣ Григорьевичѣ: «Добрый до наивности, теплый и любящій, онъ былъ твердъ, силенъ духомъ,—какъ идеаль его народа. Самыя предемертныя муки не вырвали у него

*) Вотъ она: «Батьку! Полтавці поздравляють любого кобзаря и просять: утны, батьку-орле сызый! Полтавська громада».

ни одного стона изъ груди. И тогда, когда онъ подавлялъ въ самомъ себѣ мучительныя боли, сжимая губы и вырывая зубами усы, въ немъ достало власти надъ собой, чтобы съ улыбкой сказать «спасибо» — тѣмъ, которые объ немъ вспомнили вдали на родинѣ».

С. Е.

«Правда» 1879 г. № 43.

ПОМИНКИ

Тараса Григорьевича Шевченка.

(«Одес. Вѣст.» 1879 г. № 43.)

Сегодняшній день былъ днемъ рожденія Т. Г. Шевченка (25 февраля 1814 г.) и 18 лѣтъ тому назадъ это былъ послѣдній день его жизни, о чемъ мы находимъ слѣдующій разсказъ А. М. Лазаревского.

«Въ субботу, 25 февраля, въ день именинъ покойника, первый посѣтилъ больного М. М. Л. и засталъ его въ ужасныхъ мукахъ. По словамъ Тараса Григорьевича, съ ночи у него началась сильнѣйшая боль въ груди, не позволявшая ему лечь. Онъ сидѣлъ на кровати и напряженно дышалъ. «Напishi брату Варооломею», сказалъ онъ Л., «що мені дуже недобре». Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ г. Бари. Выслушавъ грудь, докторъ объявилъ, что водяная бросилась въ легкія.

«Муки страдальца были описанныя; каждое слово стоило ему страшныхъ усилій. Мушка, положенная на грудь, нѣсколько облегчила страданія, и ему прочли похвальною депешу изъ Харькова, отъ П. Трунова: «спасибі!» только и могъ сказать больной. Потомъ попросилъ открыть форточку, выпилъ стаканъ воды съ лимо-

номъ и легъ. Казалось, онъ задремалъ, присутствовавшіе сошли въ его мастерскую.

«Около трехъ часовъ, Тараса Григорьевича посѣтили еще нѣсколько пріятелей. Онъ сидѣлъ на кровати, каждыя 5, 10 минутъ спрашивалъ, когда будетъ докторъ, и выражалъ желаніе принять опій, чтобъ забыться сномъ. Отвѣчали, что докторъ будетъ въ три часа, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять началъ тосковать, спрашивая: — скоро-ли пріѣдетъ докторъ? Сравнительно ему было въ это время лучше. Когда остался у него одинъ В. М. Л., Тарасъ Григорьевичъ началъ говорить, какъ бы хотѣлось ему побывать на родинѣ, и что весною поѣдетъ онъ въ Уврану.... Ободряя больного, В. В. Л. приглашалъ его сдѣлать поѣздку вмѣстѣ съ нимъ въ южныя губерніи. Тарасъ Григорьевичъ слушалъ съ удовольствіемъ, охотно соглашался, замѣчая, что родной воздухъ возстановитъ его здоровье: «отъ якъ би до дому, тамъ би я може одужавъ». Нѣсколько разъ повторялъ онъ, какъ не хочется ему умирать. Въ это время г. Бари опять посѣтилъ больного, нашелъ его въ удовлетворительномъ положеніи и совѣтовалъ продолжать прописанныя средства. Больного оставили видимо успокоеннымъ.

«Въ 6 часовъ пріѣхалъ одинъ изъ друзей покойнаго съ докторомъ П. А. Круновичемъ. Больной былъ опять въ трудномъ положеніи. Онъ съ усиліемъ отвѣчалъ на вопросы доктора и, казалось, сознавалъ уже безнадежность своего положенія.

Къ 9-ти часамъ пріѣхали снова гг. Бари и Круновичъ. Они еще разъ выслушали грудь больного: вода продолжала наполнять легкія. Для облегченія страданій по-

ставили другую мушку. Вслѣдъ за симъ больной получилъ вторую поздравительную депешу, изъ Полтавы: «Батьку! Полтавці поздравляютъ любого кобзаря зъ именинами и просятъ: утни, батьку, орле сизий! Полтавская громада». Выслушавъ ее, больной сказалъ: «спасибі, що не забувають». Депеша, видимо, обрадовала его. Затѣмъ доктора сошли внизъ. Оставшимся при немъ друзьямъ Т. Г. сказалъ: «чи не засну я—возьмите огонь». Но минутъ черезъ пять онъ отозвался: «кто тамъ?» и когда на зовъ его явились, то онъ просилъ воротить г. Бари и сказалъ ему: «у меня опять начинается пароксизмъ: какъ бы остановить его!» Ползли на руки горчичники.

«Въ половинѣ 11-го, Тараса Григорьевича посѣтилъ М. М. Л. съ другимъ пріятелемъ; они нашли больного сидящимъ на кровати безъ огня; ему было тяжело. На замѣчаніе М. М. Л., что, можетъ быть, они его стѣсняютъ, Тарасъ Григорьевичъ отвѣчалъ: «и справді такъ: мині хочеться говорить, а говорить трудно». Его оставили одного.

«Почти всю ночь провелъ онъ, сидя на кровати, упершись въ нее руками: боль въ груди не позволяла ему лечь. Онъ то зажигалъ, то тушилъ свѣчу, но къ людямъ, бывшимъ внизу, не отзывался.

«Въ 5 часовъ онъ попросилъ оставленнаго при немъ М. М. Л. слугу сдѣлать чай и выпилъ стаканъ со сливками. «Убери же ты теперь здѣсь», сказалъ Тарасъ Гр. слугѣ, «а я сойду внизъ».

«Сошелъ Тарасъ Гр. въ мастерскую, охнулъ, упалъ, и — въ половинѣ шестаго — нашего дорогаго, роднаго поэта не стало!...» (см. Л. Жемчужникова «Воспоминаніа

ніе о Шевченкѣ; его смерть и погребеніе», Основа 1861 г. мартъ).

Похороны Шевченка въ Петербургѣ, привлекшіе ко гробу поэта почти всю интеллигенцію столицы, подробно описаны въ «Воспоминаніи» Л. Жемчужникова, гдѣ приведены и тѣ многія надгробныя рѣчи, которыя были произнесены разными лицами.

Хотя смерть его была одинока и напоминала, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, украинскую пѣсню:

Ой, загинула козацькая головонька
Безъ роду — родины,
Безъ вірної дружыны,

но гробъ его былъ окруженъ не чужими: «все соединились братски, говоритъ Л. Жемчужниковъ, въ одну печаль... Тутъ не было лицемѣрія: непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку крѣпко сдружили насъ. Малороссы, великороссіяне, поляки, мужчины и женщины, оплакали Шевченка. Общечеловѣческой смыслъ поэзии его былъ тогда понятенъ каждому, приходившему проститься съ прахомъ поэта».

Прекрасное опредѣленіе этой общечеловѣчности поэзіи Шевченка, сдѣланное тогда-же подъ живымъ впечатлѣніемъ смерти поэта, находимъ въ статьѣ: «Значеніе Шевченка для Украины. Проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга» (см. Основа 1861 г., июнь).

«Облегчить обремененнаго, поднять покинутого или падшаго, возвысить его до достоинства *человѣка*, пробудить его къ жизни *ему* свойственной, самобытной — вотъ

идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до послѣдней минуты жизни. Независимо отъ того, что поэзія Шевченка была въ высшей степени проста, нѣжна, образна, независимо отъ того, что она народна, — понятна рѣшительно каждому, — жизненность ея заключалась именно въ общечеловѣчности его думъ и чувствъ: при всей своей народности, поэзія Шевченка не носитъ въ себѣ ни малѣйшаго признака какой-бы то ни было исключительности — національной, религіозной, политической, сословной; его пѣсни исполнены такой глубокой наивности — искренности, такой человѣчной правды, что нѣтъ ни одного современно развитога человѣка, который-бы не призналъ ихъ близкими, родными себѣ. Намъ рассказывалъ извѣстный славянистъ, Дуицкій сербъ, г. Смолеръ, что въ одномъ обществѣ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто-то предложилъ, что-бы каждый прочиталъ на своемъ нарѣчій то, что ему всего болѣе по сердцу. И вотъ, одинъ, вмѣсто того, чтобъ читать на родномъ языкѣ, просилъ согласія на прочтеніе украинскихъ стиховъ Шевченка: въ своемъ собственномъ онъ не нашелъ ничего болѣе симпатичнаго... Великая душа Шевченка была полна безграничной любви къ человѣку и сочувственнаго безпристрастія ко всякому: отъ киргиза до украинца, отъ дикаря до Тургенева, отъ богача до бѣдняка, отъ пана до варнака; онъ, учаь немногому, или, вѣриѣе, почти не учаь ничему, понималъ жизнь лучше весьма и весьма многихъ, которые цѣлый вѣкъ свой просидѣли за книгами и ничего изъ нихъ не умѣли вычитать, кромѣ узкой, обрамленной, все заранѣе порѣшающей, системы. Шевченко любилъ и уважалъ человека какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ рукъ жизни,

исторіи; онъ яснѣе многихъ разумѣлъ — отчего люди вышли такими, а не иными — и былъ снисходителенъ ко всемъ ихъ недостаткамъ, — быть можетъ и оттого, что самъ прошелъ всѣ степени нравственнаго развитія, могъ на себѣ наблюдать весь ходъ его, всѣ трудности, лежація внѣ и внутри человѣка на пути къ тому, чтобы стать истиннымъ *человѣкомъ*.

Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрять пропасти страстей,
Понять на дѣлъ жизнь людей;
Прочестъ всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла —
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы —

Се — *человѣкъ!*...» (см. «Тризна» соч. Шевченка на в.-русск. яз. въ журн. «Маякъ»).

Не пришлось Шевченку *пожить* на берегу Днѣпра, о чемъ не переставалъ онъ мечтать до самой смерти своей и на что не переставалъ надѣяться, выражая подчасъ свое желаніе съ тою глубокою скорбью, какую проникнуты хотя-бы эти строки:

Дай-же, Боже, колы небудь,
Хоть на старість, стати
На тыхъ горахъ окраденыхъ,
У маленькій хаті!
Хочу сердце замучене,
Поточене горемъ,
Прынесты и положыты
На Днѣпровыхъ горахъ...—

Почить на берегу Днѣпра пришлось лишь *праху* поэта, въ могилѣ только нашедшаго *свою* «маленьку хату». Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получено было разрѣшеніе на перевезеніе

тѣла Шевченка на родину, и 26-го апрѣля Петербургъ былъ еще разъ свидѣтелемъ знаменательнаго проявленія общественной скорби и того уваженія, которымъ пользовался поэтъ въ образованномъ русскомъ обществѣ. Заботливые друзья исполнили такимъ образомъ то завѣщаніе поэта, которое оставилъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній («Завѣтъ» 1847 г.):

Нельзя не пожалѣть, что мѣстомъ для могилы Шевченка была выбрана пустынная гора близъ г. Канева: если-бы нашего украинскаго «батька» похоронили въ Кіевѣ, то онъ все-таки покоился-бы надъ Днѣпромъ, и слѣдовательно его воля была-бы исполнена, но только могила его была-бы не такъ пустынна. Къ стыду нашему, — за это укоряютъ насъ даже заграничные родичи наши Галичане, собиравшіе деньги на поддержаніе могилы — разрушается эта «маленькая хата» нашего «батька», камни разваливаются, крестъ надъ нею догниваетъ свой вѣкъ... «На этомъ крестѣ, писалъ Подорожній въ «Кіевск. Тел.» 1875 г., едва не сотня надписей, съ полными именами, отчествами и фамиліями, громко говорящими: «щю й мы тутъ булы, щю й насъ сюды заносыло»... Всѣ эти имена не понесли-бы значительныхъ убытковъ, если-бы собрали небольшую сумму для приведенія могилы въ приличный видъ и для огражденія ее на будущее время отъ несомнѣнныхъ посягательствъ къ полному разрушенію».

Мысль о памятникѣ на могилѣ Шевченка и затѣмъ вообще объ увѣковѣченіи памяти поэта достойными его жизни и его поэзіи дѣлами явилась тотчасъ по его смерти, но до сихъ поръ не приведена въ исполненіе. Напоминанія о необходимости этого увѣковѣченія не разъ появлялись

въ русской печати, и нѣтъ сомнѣнія, что придетъ время, когда имя Шевченка дождется должнаго чествованія, когда желанія, высказанныя русскимъ обществомъ подъ живымъ впечатлѣніемъ смерти поэта, исполнятся.

«Одесскій Вѣстникъ» въ прошломъ году и съ своей стороны выразилъ готовность содѣйствовать осуществленію этихъ желаній, помѣстивши въ № 57-мъ «Напоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ», письмо въ редакцію А. Т., которое и вызвало довольно много сочувственныхъ откликовъ, печатавшихся своевременно при отчетахъ о пожертвованіяхъ (см. №№ 72, 97, 99, 108, 114, 119, 139, 145, 153, 173, 205, 257, 261, 286 и за настоящій годъ №№ 30, 37).

Имѣя въ виду представить сегодня ко дню «роковинъ» *общій* отчетъ обо всѣхъ этихъ поступившихъ къ намъ пожертвованіяхъ, умѣстнымъ считаемъ перепечатать здѣсь цѣликомъ и вызвавшее ихъ «Напоминаніе», а также и нѣкоторые изъ тѣхъ откликовъ, которые мы получили по поводу его. Вотъ оно*).

«Кто-то сказалъ, что «впечатлѣніе, производимое смертью человѣка, показываетъ значеніе его жизни. Смерть общественнаго человѣка уснажаетъ и его самого, и самое общество: по впечатлительности и по слѣдующимъ проявленіямъ общественнаго сердца можно навѣрное судить, чѣмъ оно бьется».

Смерть и похороны Некрасова и послѣдовавшіе затѣмъ въ русской печати некрологи, статьи о Некрасовѣ, наконецъ, книжечка «На память о Н. А. Некрасовѣ», изданная для образованія отъ продажи ея стипендіи имени поэта, напомнили, я думаю, многимъ о другой смерти, о другихъ

*) См. «Од. Вѣст.» 1878 г. № 57.

похоронахъ, о еще болѣе выразительныхъ проявленіяхъ впечатлѣнія, произведеннаго смертью такого же общественнаго чловѣка. Я говорю о тѣхъ многихъ, которые, назадь тому 17 лѣтъ, читали въ мартовской книжкѣ «Основы», за 1861 г., статью: «Воспоминаніе о Шевченкѣ, его смерть и погребеніе», а въ іюльской книжкѣ того же журнала, за тотъ же годъ, статью: «Значеніе Шевченка для Украины; проводы тѣла его въ Украину изъ Петербурга».

Сближеніе именъ Некрасова и Шевченка дѣлалось уже въ печати не одинъ разъ; между прочимъ, въ Вѣнѣ, три года тому назадь, на поминкахъ Шевченка, пѣкто Терлецкій прочелъ рефератъ: «Шевченко и Некрасовъ». Выказавъ (въ упрекъ галичанамъ) ту мысль, что въ Россіи само общество въ литературѣ разработало жизнь крестьянина, референтъ сказалъ: «въ поэзіи ее затрогивали у малоруссовъ Шевченко, у великоруссовъ Некрасовъ. Главная разница между обоими въ томъ, что когда одинъ обращается временами къ прошлому и въ немъ ищетъ утѣшенія и поддержки для борьбы въ настоящемъ, муза другого всецѣло обращена къ настоящему» (Б. Т., 1875 г., № 46). А на дняхъ намъ пришлось съ удовольствіемъ прочитавъ во 2-й книгѣ «Древней и Новой Россіи» за настоящей годъ, небольшую, но чрезвычайно тепло и умно написанную статейку Мордовцева «О значеніи Некрасова, какъ поэта», которую авторъ заканчиваетъ такъ: «Если въ комъ изъ русскихъ дѣятелей замѣчалось такое же честное отношеніе къ своему призванію, такъ это въ Гоголѣ и Шевченкѣ. Последніе годы ихъ жизни были — безконечный рядъ терзаній о томъ, что они «ничего не

сдѣлали». Но это была неправда — это была жажда сдѣлать еще болѣе».

Смерть Шевченка произвела впечатлѣніе сильное и повсемѣстное; невольно чувствовалось, что это дѣйствительно общественное несчастье, народная утрата. Все русское общество, а въ особенности, конечно, южно-русское, отозвалось при первой вѣсти объ этой уtratѣ самымъ искреннимъ проявленіемъ скорби. Почти во всѣхъ южныхъ городахъ куда только дошла по телеграфу печальная вѣсть о смерти поэта, служили панихиды; въ Львовѣ молодежь надѣла трауръ. И это впечатлѣніе, эти чувства русскаго общества, не были мимолетною вспышкой: «общественное сердце» забилось горячо и сильно. Согласно поэтическому завѣщанію Шевченка, тѣло его перевезено изъ Петербурга и похоронено на берегу Днѣпра, на высокой горѣ, возлѣ г. Канева. Этотъ печально-торжественный поѣздъ черезъ все царство русское, конечно, памятенъ многимъ; проводы тѣла Шевченки на Украину были цѣлымъ рядомъ возвышающихъ душу проявленій общественной симпатіи къ судьбѣ и поэзіи этого истиннаго «печальника горя народнаго». Тогда каждый, ясно понимавшій значеніе умершаго поэта, готовъ былъ повторить съ Кулишемъ, говорившимъ надъ гробомъ Шевченка при проводѣхъ его изъ Петербурга (26 апрѣля): «найдутца люде, що твое святе слово на святе діло обернуть. Ми тобі воздвигнемо тисячі и десятки тисячъ живихъ монументівъ, распростерши духъ твій спасенний поміжъ людьми... Твоімъ слідомъ, Тарасе, всі ми пійдемо».

Какъ и въ настоящее время, послѣ смерти Некра-

сова, такъ и тогда явилась мысль объ увѣковѣченіи памяти поэта общепользными дѣлами. Въ редакцію «Основы» то и дѣло присылались письма съ различными предложеніями о способахъ этого увѣковѣченія. Предполагалась, между прочимъ, и мѣра, наиболѣе отвѣчавшая тѣмъ интересамъ, которыми занято было тогда русское общество. Вотъ что писалъ М. Н. Дараганъ: «намъ остается, однакоже, утѣшеніе, — это — право дѣлать все, чтобы память о Тарасѣ Григорьевичѣ запечатлѣлась какъ можно болѣе твердыми чертами въ томъ *народѣ*, которому онъ былъ всю жизнь всецѣло преданъ, въ томъ сословіи, изъ котораго онъ вышелъ. Какъ одно изъ средствъ для этой цѣли, я предлагаю воспользоваться великимъ событіемъ — дарованія помѣщичьимъ крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и соединить имя нашего поэта съ обезпеченіемъ судьбы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ прежнихъ его собратій, кои не имѣютъ средствъ для выкупа у помѣщика своей усадебной осѣдлости и полевыхъ угодій. Я предлагаю открыть подписку на пожертвованія, съ цѣлью оказать пособіе въ упомянутомъ случаѣ сначала родственникамъ Тараса Григорьевича, а потомъ, если сумма будетъ достаточна, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, поселеннымъ въ той деревнѣ, гдѣ родился поэтъ».

Почти изъ всѣхъ городовъ южно-русскихъ явились заявленія о желаніи общества увѣковѣчить память Шевченка, предложенія о подпискахъ, концертахъ, спектакляхъ и публичныхъ чтеніяхъ; а черноморцы изъ Екатеринодара, выражая искреннее желаніе осуществить мысль, общую всѣмъ, раньше всѣхъ прислали въ редакцію «Основы» 200 руб., собранныхъ со спектакля. Вотъ что читаемъ въ

«Основѣ» за іюнь мѣсяцъ 1861 г.: «въ самый день смерти Т. Г. всѣ бывшіе на панихидѣ собрались къ другу его, М. М. Л—му, гдѣ тотчасъ же было приступлено къ подпискѣ на увѣковѣченіе памяти Шевченки и положено: 1) перевезти тѣло его на Украину; 2) поставить ему памятникъ; 3) *основать народную школу подъ именемъ Тарасовой или Шевченкоу*; 4) содержать одного или нѣсколькихъ стипендіатовъ въ университетахъ кievскомъ и харьковскомъ, одесскомъ лицей и академіи художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія, 6) назначить преміи за лучшее жизнеописаніе поэта и за лучшей критическій разборъ его сочиненій; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ, и 9) кому либо изъ ближайшихъ друзей его — ежегодно посѣщать его могилу на Украинѣ.»

Редакція «Основы» заявила, что М. М. Лазаревскій не откажется принимать у себя присылки для вышеозначенныхъ цѣлей. И изъ всей этой программы лишь 1-ый и отчасти 5-й пункты выполнены. Надъ одинокой могилой Тараса, ничѣмъ неогороженной, стоитъ лишь высокой деревянный крестъ.... Конечно, не въ памятникъ дѣло, но что-же съ другими то пунктами? Гдѣ же народная школа имени Шевченка? Гдѣ стипендіи? Какая судьба постигла первоначальные сборы, собирались-ли они? Предприимались-ли ходатайства объ официальномъ разрѣшеніи? Все это, полагаю, такіе вопросы, которые невольно приходятъ въ голову, когда читаешь о разныхъ предположеніяхъ, вызванныхъ другою недавней общественной потерей, смертью Некрасова?

Неужели этимъ благимъ намѣреніямъ, провозгла-

шеннымъ печатно, такъ и оставаться невыполненными? Долго-ли тянуть намъ старую пѣсню:

«Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано» —

даже въ такомъ дѣлѣ, какъ увѣковѣченіе памяти народнаго поэта, о которомъ еще такъ недавно говорили «хорошія слова» и, между прочимъ, что «не по мертвыхъ бо пославъ его Господь голосити, а живихъ на діло жизни воздвигати»?...

Видитъ-ли въ этомъ русское общество, что оно дѣйствительно не научилось хотя-бы у братьевъ-чеховъ достойно чествовать своихъ общественныхъ дѣятелей?

«Лучше поздно, чѣмъ никогда». Такъ или иначе, свѣжая могила Некрасова, мы увѣрены, многимъ напомнитъ о той могилѣ, къ которой не должна-бы «зарости народная тропка», въ которой лежитъ поэтъ, всею скорбною жизнью своею запечатлѣвшій горячую любовь къ народу, до конца дней своихъ не измѣнившій завѣтной думѣ своей объ освобожденіи слабого и бѣднаго отъ нужды, горя и гибели. И грѣшно было-бы русскому обществу не почитать Шевченка памятникомъ, достойнымъ его жизни и его пѣсни. Основаніе народной школы на мѣстѣ родины поэта, или вблизи его могилы, было-бы лучшимъ памятникомъ поэту, такъ страстно желавшему для народа «просвіти».

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими знакомыми, не забывшими прекрасныхъ чувствъ и словъ, въ печати 61 года заявленныхъ, обращаюсь къ вамъ, многоуважаемый г. редакторъ, съ такого рода покорнѣйшею просьбою: не можете-ли взять на себя инициативу обращенія къ русскому об-

ществу и черезъ «Одесск. Вѣст.» пригласить желающихъ къ пожертвованіямъ на основаніе народной школы имени Шевченка? Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся лица, которые (вмѣстѣ съ вами) возьмутъ на себя трудъ исходатайствовать надлежащія разрѣшенія, какъ на сборъ пожертвованій, такъ и на открытіе самой школы, и нѣтъ основанія ожидать отказа такому ходатайству.

Возьмите-же на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и пусть издаваемая вами газета, какъ старѣйшая въ южнорусскомъ краѣ, первая подастъ примѣръ достойнаго «проявленія общественного сердца», такъ горячо забившагося въ первые дни горестной утраты, когда южно-русское общество хоронило своего народнаго поэта, не даромъ называемаго обыкновенно «батькомъ».

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. А. Т.

Изъ писемъ, полученныхъ нами съ разныхъ сторонъ по поводу этого «Напоминанія», для насъ стало очевидно, что предложенная имъ форма чествованія памяти народнаго поэта, дѣйствительно, пользуется наибольшимъ сочувствіемъ: такой именно памятникъ прежде всего долженъ быть основанъ въ память народнаго поэта, который, на себѣ испытавши всю тягость крѣпостнаго рабства, хорошо понималъ значеніе и рабства духовнаго—невѣжества: тотчасъ по освобожденіи своемъ онъ сталъ ревностно заботиться и хлопотать въ обществѣ земляковъ объ изданіи книгъ для народа, самъ составилъ народный букварь истративши на изданіе его ничтожныя свои средства и затѣмъ подаривши его въ воскресныя школы, возникшія тогда по городамъ южной Россіи. Уже послѣ смерти Шевченка въ память его Н. И. Костомаровъ сталъ собирать

пожертвованія на изданіе книгъ для народа, и было даже на этотъ счетъ кое-что издано (напр. «Оповідання зъ святаго письма», свящ. Опатовича); но независѣвшія отъ г. Костомарова обстоятельства прервали эту издательскую дѣятельность, и почтенный нашъ ученый, какъ одинъ изъ искреннихъ друзей покойнаго поэта, ожидаетъ лишь благоприятнаго времени, когда можно будетъ дать собранной имъ суммѣ первоначальное ея назначеніе.

Вотъ какъ свидѣтельствуеетъ одинъ изъ старшихъ поколѣній друзей Шевченка объ упомянутыхъ выше работахъ поэта: «Онъ отдалъ жизнь свою народу всецѣло», говоритъ А. Жемчужниковъ, и до смерти стоялъ у него на стражѣ, стремясь избавить его грамотой отъ нелѣпнаго невѣжества и защищая отъ грозящаго ему насильственнаго просвѣщенія; трудовую свою копѣйку онъ отдавалъ народу. Съ какой радостью онъ встрѣтилъ первую грамотку Кулиша—«этотъ первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ сдавленную крѣпостную голову»! Онъ былъ сила, *сплавляющая насъ съ народомъ*. Онъ пробудилъ насъ къ новой жизни». А Жемчужниковъ выражалъ здѣсь лишь то, что ясно сознавалось и живо чувствовалось всѣми сверстниками его и современниками.

Понятно, почему предложенная нами форма памятника Шевченку вызвала такое единодушное одобреніе. Но слишкомъ еще ничтожная сумма собрана нами для осуществленія этого памятника. Одно лишь въ нашихъ глазахъ представляется отраднымъ фактомъ: эта сумма (136 р. 90 к.) сложилась хоть и не изъ крупныхъ взносов, но за то шли они къ намъ *отъ множества лицъ*.

Раньше всего пришли, что особенно приятно намъ

заявить, пожертвованія изъ «хуторовъ», и одно изъ нихъ мы получили при письмѣ такого содержанія:

«Старый хуторянинъ, вручая мнѣ 10 р. для передачи вамъ, въ отвѣтъ на заявленіе молодыхъ голосовъ семьи своей о *несвоевременности* сбора на памятникъ Шевченку въ то время, когда общество несетъ немалыя жертвы на неотложныя нужды, вызываемыя войной,—отвѣчалъ съ нѣкоторою горячностью такъ: «всегда своевременно именно въ настоящее время, когда русское общество несетъ жертвы изъ-за освобожденія славянъ, вспомните и почтите достойнымъ памятникомъ автора поэмы «Иванъ Гусь», забывеннаго Тараса, который такъ искренно и горячо молился,

Щобъ усі Славяне стали
Добрыми братами,
И сынами сонця правды
И еретькамы —
Оттакими якъ Констанський
Еретькъ велькый!

Передавая вамъ, м. г., эти 10 р. отъ почтеннаго хуторянина прошу васъ дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ, которыя, быть можетъ, нелѣпными будутъ въ газетѣ, взявшей на себя починъ въ хорошемъ дѣлѣ.

У насъ весьма распространено печальное заблужденіе относительно Шевченка, выражающееся въ мнѣніи, будто поэзія его есть плачъ лишь о прошломъ, апогеоза этого прошлаго, казачины. Нѣтъ, не сожалѣніе лишь о прошедшемъ возбуждало его творчество: душа поэта была полна иныхъ побужденій, горячо выражавшихся въ его пѣснѣ, идеи соціальнаго добра, мира и любви. Стоитъ вспомнить то стихотвореніе, тѣ строки поэта, въ которыхъ высказалась свѣтлая надежда на торжество правды на землѣ: «Встане правда, встане воля»! Безъ этой надежды для Шевченка нелегко было жить:

Якъ же его у неволі
Жити безъ надії?
Навчѣть мене, люде добрі,
А то одурію.

Поэтъ, такъ страстно восклицавшій: «світе, світе! стрепенися! та надъ нами просвітися!», — поэтъ, говорившій воегда лишь одно: «молітєсь правді на землі», отвѣчавшій свѣтлою надеждою на вѣковѣчный вопросъ о торжествѣ правды:

«Чи буде правда на землі?

Повинна быть!... бо сонце встаете

И оскверненну землю спалить!»

такой-ли поэтъ не заслужилъ у насъ достойнаго своей жизни памятника? Эта вѣра въ торжество правды была несомнѣнно единственной нравственной поддержкой въ скорбной жизни поэта, въ просвѣщеніи видѣвшаго спасеніе и будущее счастье народа. Создадимъ же ему и памятникъ, служащій просвѣщенію народа, памятникъ вѣчный, т. е. школу его имени*).

По жертвованія отъ лицъ, очевидно не русскаго происхожденія, мы получили при письмѣ такого содержанія:

М. Г.! Мы не связаны съ поэтомъ тѣми узами, которые создаются общностью языка, національныхъ стремленій; но намъ было бы очень прискорбно думать, что поднятый въ вашей газетѣ вопросъ объ увѣковѣченіи памяти этого поэта можетъ встрѣтить равнодушіе, безучастіе. Въ Т. Г. Шевченкѣ мы чтимъ честнаго борца за великую идею, человека, «всей скорбной жизнью своей запечатлѣвшаго свою горячую любовь къ народу», поэта, который, во имя общечеловѣческаго идеала, призывалъ людей «обнять наименьшаго брата». Равнодушіе общества къ памяти великихъ обществ. дѣятелей, пробуждавшихъ въ обществѣ сознаніе и благороднѣйшія чувства и стремленія, намъ кажется неестественнымъ, и мы готовы винить земляковъ — почитателей Т. Г. Шевченка въ томъ, что они не были достаточно усердны и не заботились познакомить насъ, какъ слѣдуетъ, съ жизнью и поэзіей этого «печальника горя народнаго». Мы знаемъ, что въ публикѣ, мало знакомой съ произведениями Шевченка, существуетъ мнѣніе о немъ, какъ о поэтѣ исключительныхъ національныхъ стремленій, симпатій и антипатій—мнѣніе

*) См. № 97 «Одес. Вѣст.».

ошибочное. Мы не можемъ не вспомнить здѣсь словъ почтеннаго историка Н. И. Костомарова, статья котораго въ книгѣ Гербеля «Поэзія славянъ» остается до сихъ поръ единственною и прекрасною характеристикою поэзіи Шевченка: «Для того, чтобы сочувствовать поэту и уразумѣть его достоинства, не нужно быть исключительно малоруссомъ. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія». Имя Шевченка, мы думаемъ, должно быть дорого всемъ людямъ, искренно преданнымъ идеѣ прогресса, общечеловѣческимъ стремленіямъ къ правдѣ и добру, къ счастью народа. Для насъ многозначителенъ тотъ фактъ изъ жизни Т. Г. Шевченка, что первая книжка, которую онъ издалъ по своемъ освобожденіи, была букварь для народа. Въ этомъ фактѣ мы, между прочимъ, видимъ указаніе и на тотъ способъ, которымъ лучше всего мы можемъ почитать его память, увѣковѣчить его имя, какъ дѣятеля на пользу народа: этотъ способъ — *созданіе народной школы его имени.*

На этотъ-то памятникъ мы и приносимъ свое посильное пожертвованіе*).

Изъ Кутаиса приславшіе 40 р. писали намъ:

На Кавказѣ въ интеллигентномъ обществѣ Т. Г. Шевченко пользуется немалою популярностію и искреннею симпатіей. Тамъ, гдѣ, по его выраженію,

За горами горы хмарою повыти,

Засіяні горемъ, кровію польгѣ, —

тамъ еще недавно его глубоко прочувствованное произведеніе, посвященное Кавказу, ходило во множествѣ списковъ, а затѣмъ «Кобзарь» въ изданіи Кожанчикова разошелся въ значительномъ числѣ экземпляровъ. Но, къ сожалѣнію, изданіе это давно уже стало библиографическою рѣдкостію, а другое что-то не появляется. До сихъ поръ у насъ нѣтъ и біографіи, сколько нибудь удовлетворительной, замѣчательнаго и по жизни своей поэта, а объ

*) См. № 99 «Одес. Вѣст.».

этомъ слѣдовало-бы подумать землякамъ. Хетя-бы имѣющіеся уже матеріалы были изданы.

Относясь съ искреннимъ сочувствіемъ къ напечатанному въ № 57 вашей газеты «Напоминанію о Т. Г. Шевченкѣ», мы долгомъ считаемъ хотя-бы скромнымъ своимъ пожертвованіемъ поддержать вашу попытку обратитъ, наконецъ, вниманіе общества на его нравственный долгъ—почтить достойнымъ памятникомъ замѣчательнаго общественнаго дѣятеля-поэта. И предложенная вами форма памятника Т. Г. Шевченку вполне соответствуетъ его просвѣтительной роли, его идеальнымъ стремленіямъ. Школа, какъ орудіе освобожденія народа отъ самаго опаснаго рабства—невѣжества, будетъ, дѣйствительно, и въ нашихъ глазахъ, самымъ подходящимъ памятникомъ поэту, съ такою скорбію писавшему незадолго до смерти своей:

И день иде, и нічъ иде...

И, голову схопивши въ руки,

Дывуся: чому не йде

Апостолъ правды и науки?

Отъ души желаемъ, чтобы скорѣе отозвались на ваше предложеніе все люди, любящіе правду и науку (въ смыслѣ народнаго образованія, какъ понималъ и батько Тарасъ), чтобы «Напоминаніе» ваше дѣйствительно напомнило обществу, что «хто батька забуває—

Того Богъ карае,

Чужи люди цураютья

Въ хату не пускають,—

чтобы, наконецъ, и намъ довелось еще услышать, что проэктированное нами дѣло увѣковѣченія памяти «батька Тараса» увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ.

Все другія письма были въ томъ-же родѣ и они-то дали намъ нѣкоторую надежду на то, что такъ сочувственно принятая форма памятника можетъ осуществиться въ недалекомъ будущемъ. Хочется думать, что, при об-

*) См. № 149 «Одес. Вѣст.».

щемъ участіи *всѣхъ* органовъ мѣстной печати, Одесса окажетъ существенную помощь дѣлу, которое, несомнѣнно, должно заботитъ почитателей Шевченка и въ другихъ нашихъ южныхъ городахъ, а также и въ столицѣ.

Газета «Правда», помѣстившая скоро послѣ насъ и съ своей стороны въ № 77-мъ прошлаго года «Напоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ», также получила при пожертвованіяхъ весьма сочувственные отклики, одинъ изъ которыхъ позволяемъ себѣ—*для ради поминокъ*—помѣстить здѣсь:

«Отзываясь своимъ скромнымъ пожертвованіемъ на ваше «Напоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ», я желалъ бы подвѣститься съ читателями вашей газеты нѣсколькими мыслями, которые невольно приходятъ въ голову, когда хорошенько вдумаетесь въ этотъ печальный фактъ крайне слабого отклика на ваше «напоминаніе». Задумываясь надъ судьбою своихъ произведеній, слишкомъ дорого ему стоившихъ, потому что все они горячо прочувствованы, спрашивая: «чи заплаче сердце одно на всемъ свѣтѣ, якъ я з-вами плакавъ?», Шевченко съ любовью посылаетъ свои «думы» въ Украину:

Тамъ найдете щире сердце

И слово ласкаве,

Тамъ найдете щиру правду,

А ще може й славу...

Такъ говорилъ поэтъ, болѣе популярный въ русскомъ обществѣ по скорбной жизни своей, чѣмъ по своимъ сочиненіямъ, слишкомъ недостаточно распространеннымъ.

Единственный вполне народный во всехъ значеніяхъ этого слова поэтъ нашъ, глиняные бюсты котораго, изготовляемые странствующими итальянцами и мѣстными мастерами, весьма усердно раскупаются и распространяются не только на югъ, но и по всей Россіи, до сихъ поръ не только не вызвали значительнаго числа біографій, изслѣдованій, но даже сочиненія его слишкомъ мало распространены въ русскомъ обществѣ.

Англійскій народъ своему юмористу и поэту Томазу Гуду по общей подпискѣ поставилъ великолѣпный памятникъ съ такою надписью: «онъ пропѣлъ пѣню о рубашкѣ», а правительство еще при жизни его назначило пенсію его семейству. Отфенена, значить, и почтена защита поэтомъ слабыхъ и угнетенныхъ. А въ эту защиту положилъ всю душу свою нашъ Шевченко, надъ разрушающею могилой котораго стоитъ лишь деревянный догнивающий крестъ... Поляки, собираясь праздновать 50-ти лѣтній юбилей писательства Крашевскаго, дали уже, какъ слышно, 12 тысячъ подписчиковъ на полное собраніе его сочиненій, предложенное къ изданію по случаю этого юбилея,—а мы до сихъ поръ не собрались на второе послѣ Кожанчиковскаго изданіе «Кобзаря». Въ Прагѣ вышло въ 1876 г. изящное изданіе «Кобзаря» въ двухъ томахъ, изъ которыхъ лишь первый допущенъ къ Россіи въ продажъ, но и онъ разошелся здѣсь, на югѣ, какъ мы слышали, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Предложено въ «Одесск. Вѣстн.» (см. № 57) собрать капиталъ на основаніе въ память Шевченка народной школы его имени, и это былъ бы дѣйствительно прекрасный наиболее подходящій памятникъ поэту, который тотчасъ по освобожденіи своемъ издалъ прежде всего народный букварь и тѣмъ какъ бы опредѣлялъ обязанности интеллигенціи края по отношенію къ народу,—и что же? До сихъ поръ собрана весьма мизерная сумма (около 600 р.). «Правда» въ № 77 и съ своей стороны обратилась къ своимъ читателямъ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ; но послѣ перваго заявленія о поступившихъ шести рубляхъ не встрѣчаемъ уже извѣстій о пожертвованіяхъ. Неужели же это правда, что между читателями «Правды» нѣтъ читателей поэта, вся жизнь котораго была борьбой за правду, а поэзія—служеніемъ этой правдѣ, такъ что поэтъ, умирая, имѣлъ полное право сказать, обращаясь къ своей мужѣ:

Мы не лукавили зъ тобою,
Мы просто йшли; у насъ нема
Зерна неправды, за собою...

Неужели-же правда, что нашъ поэтъ, босою ногою вступившій на тернистую дорогу своей мученической жизни и сошедшій въ могилу едва только освобожденнымъ изъ неволи солдатомъ, оплаканный лишь горстью своихъ земляковъ-поклонниковъ, но не своимъ народомъ, не тѣми, для которыхъ жизнь положилъ,—такъ и не встрѣтитъ въ современномъ намъ обществѣ того отношенія къ себѣ, какимъ пользуются равные ему по значенію общественные дѣятели въ европейскомъ обществѣ?... Или такъ это и должно быть, что пѣвецъ народа, той сврой массы, съ жизнью которой была слита и его жизнь, останется долго безъ признанія своихъ правъ на почетъ, на всенародное чествованіе?

«Правда», служа прогрессивнымъ стремленіямъ русскаго общества на Югѣ, не отступитъ, полагаю, отъ развѣ выраженнаго отношенія своего къ памяти Т. Г. Шевченка, и отъ poderosa воздѣйствія на читателей въ пользу болѣе энергичскаго, живаго отклика на помѣщенное въ № 77 «Напоминаніе». Будемъ надѣяться, что оно не останется «гласомъ вопіющаго въ пустынь», иначе... «горе народу, забывшему своихъ пророковъ».

Газета «Харьковъ», передавши въ № 128 сущность нашего «Напоминанія», заявила *отъ редакціи* такъ: «съ удовольствіемъ присоединяемся къ заявленію «Одес. Вѣст.» и будемъ принимать пожертвованія на образованіе капитала, необходимаго для увѣковѣченія памяти Т. Г. Шевченка достойнымъ его поэзіи памятникомъ».

Наконецъ, въ прошлое воскресенье и «Новорос. Телеграфъ», въ 1189, давши мѣсто «Напоминанію о Т. Г. Шевченкѣ» (письмо А. Г—го), заявилъ, «въ качествѣ южно-русской газеты» о готовности своей «послужить вы-
раженію общественной симпатіи къ поэту, память о которомъ дорога, конечно, всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ», и съ настоящаго времени будетъ принимать

пожертвованія на основаніе въ память Шевченка народной школы его имени.

Закончимъ мы эту *поминальную* статью выраженіемъ нашего искренняго желанія, чтобы къ слѣдующимъ «роковинамъ» батька Тараса удалось намъ сдѣлать хоть этотъ первый шагъ къ исполненію его «заповита»: похоронивши его, какъ желалъ онъ, на «Дніпровыхъ горахъ», покажемъ теперь этимъ живымъ памятникамъ — народной школой его имени, что мы способны жизненно понять слова его:

Обнімітежъ, брати мої,
Найменьшого брата!

и что мы способны сдѣлать хоть что нибудь для того свѣтлаго, чуждаго «темноты» будущаго, когда исполнимъ и послѣднія слова «заповита»:

И мене въ сімѣ велькій,
Въ сімѣ вільній, новій,
Не забудьте помянуты
Не злымъ, тихимъ словомъ!

Всего со дня открытія подписки по настоящій день поступило къ намъ въ капиталъ на основаніе въ память Т. Г. Шевченка народной школы его имени — одна тысяча триста шестьдесятъ девять рублей девяносто копѣекъ, не считая процентовъ, по текущему счету, на капиталъ.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(«Новороссійскій Телеграфъ», 1879 года, № 1.194).

Помѣстивши въ № 1.189 «Нов. Тел.» напоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ, приглашающее къ жертвованіямъ на основаніе въ память великаго народнаго поэта народной школы его имени, какъ памятника, наиболѣе соответствующаго его идеальнымъ стремленіямъ, мы считаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей, *прежде всего*, съ тѣми отзывами о Шевченкѣ, которые сдѣланы въ послѣднее время наиболѣе компетентными людьми, — нашими извѣстными учеными гг. Пыпинимъ и Костомаровымъ.

Къ сожалѣнію (какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ съ великими людьми, крупными явленіями общественной жизни), взгляды на значеніе Шевченка, на содержаніе его поэзи, далеко еще не установились и — что хуже всего — признавая великую важность Шевченка (въ этомъ всѣ сходятся), каждый хочетъ ее видѣть въ томъ, что ему, съ его точки зрѣнія, представляется наиболѣе желательнымъ, а потому старается, такъ сказать, подогнать содержаніе Шевченковской музыки къ рамкамъ своего міросозерцанія.

Строго-научная критика, которая опредѣлила-бы, чѣмъ именно былъ Шевченко и указала-бы все тѣ условія, при которыхъ развилось его міросозерцаніе, невозможна еще въ настоящее время, такъ какъ слишкомъ еще мало извѣстны обстоятельства, какъ его личной жизни и развитія, такъ и вообще тогдашняго времени. Когда будутъ обнародованы и изслѣдованы необходимые для ближайшаго изученія этого недавняго еще прошлаго матеріалы, тогда, конечно, выяснится больше и все дѣйствительное содержаніе и значеніе поэзіи и жизни Шевченка.

Остается и, конечно, останется на всегда, общее признаніе *важности* этой поэзіи и жизни въ нашей исторіи. Книга г. Пыпина «Исторія славянскихъ литературъ» явилась во второмъ «вновь переработанномъ и дополненномъ» изданіи—самымъ цѣннымъ подаркомъ новаго года въ нашей литературѣ, важнымъ не только для русскаго, но и для всего славянскаго общества. Въ этой-то книгѣ, представляющей пока лишь первый томъ исторіи славянскихъ литературъ, мы находимъ въ 3-й главѣ, посвященной русскому племени и именно «частнымъ литературамъ русскаго языка» (заглавіе нѣсколько странное, очевидно, искусственное и не существомъ дѣла вызванное), слѣдующія строки о Шевченкѣ *).

«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко есть замѣчательнѣйшая поэтическая сила всей южно-русской литературы. Принадлежа началомъ своей дѣятельности концу прежняго періода, Шевченко сталъ талантливѣйшимъ поэтическимъ представителемъ новыхъ стремленій южно-русской литературы.

*) Мы опускаемъ біографическія свѣдѣнія, изложенныя г. Пыпинымъ.

Перенесенныя страданія не заглушили въ немъ поэтической силы, не затемнили и не ослабили ея свѣтлыхъ и гуманныхъ воззрѣній. Человѣкъ народа по самому происхожденію, онъ естественно привязанъ былъ къ дѣлу народа чувствовалъ и высказывалъ истину его положенія безъ помощи и безъ прикрасъ искусственной сантиментальности. Позднѣйшее развитіе только укрѣпило его на дорогѣ, принятой по поэтическому инстинкту. Оттого Шевченко былъ рѣдкимъ примѣромъ непосредственно народнаго поэта, не отдѣливагося отъ массы лучшими свойствами характера, но вмѣстѣ свободнаго отъ неизбѣжной ограниченности просто-народныхъ взглядовъ. «Поэзія Шевченка,—говоритъ Костомаровъ,—поэзія цѣлаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такаа поэзія, которую народъ самъ-бы долженъ былъ запѣть, еслибы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсень; или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передоваго чело-вѣка. Такой поэтъ, какъ Шевченко, есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣланій,—онъ народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ».

Въ первыхъ произведеніяхъ Шевченка есть отголоски того романтическаго приукрашиванія старины, которое указывали мы въ предыдущемъ періодѣ; но это «археологическое» направленіе продолжалось не долго. Ближе познакомившись съ исторіей своей родины, онъ разочаровался въ «гетманщинѣ» и совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ серьезно изучать исторію, которая должна была убѣдить, что настоящей причиной политическихъ бѣдствій ихъ край была та «козацкая старшина», которая погналась за личными выгодами, забывши объ интересахъ народа. Шляхетскихъ преданій гетманства онъ противопоставляетъ идею освобожденія крестьянства. Онъ возстаетъ и противъ само-

довольнаго книжничества (напримѣръ, славяно-фильскаго), которое остается глухо къ настоятельной нуждѣ народа и къ его невѣжеству и рабству. Малорусскій патріотъ и демократъ, онъ, однако, чуждъ религіозной и національной нетерпимости; къ его непосредственно гуманному чувству естественно прививались лучшія мысли, приносимыя литературнымъ развитіемъ. При національныхъ стремленіяхъ не забывались и общечеловѣческіе интересы. Настоящее его тяготило, и онъ ждалъ для народа «апостола правды и науки».....

Прекраснымъ дополненіемъ къ этому очерку (очевидно, не соразмѣрному по своей краткости съ важностію предмета), можетъ служить отрывокъ изъ очерка малорусской литературы Костомарова, который мы находимъ въ хрестоматіи Гербеля «Поэзія славянъ» и позволяемъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ:

«До Шевченки малорусская литература ограничивалась изображеніемъ народнаго быта въ формѣ повѣстей и разсказовъ, отчасти въ формѣ драмы, или стихотвореніями въ народномъ тонѣ. Самъ Квитка, съ его умѣніемъ воспроизводить народную жизнь, не шелъ далѣе простаго изображенія. Выраженныя имъ чувства и воззрѣнія народа ограничиваются тѣмъ, что дѣйствительно можно было талантливому наблюдателю подмѣтить во вѣншемъ проявленіи у народа — и только. Народъ у Квитки не смѣетъ подняться выше обычныхъ условій: если, иногда, онъ и заговариваетъ о своей боли, то очень не смѣло, и не дерзаетъ помышлять ни о чемъ лучшемъ. Народность Квитки, какъ и вообще тогдашнихъ народоизобразителей—это зеркало, наведенное на народный бытъ; по мѣрѣ того, каково это зеркало—въ немъ, съ большею или меньшею вѣрностію и полнотою, отражается то, что есть въ данный моментъ. Но Шевченко былъ самъ простолюдинъ, тогда какъ другіе болѣе или менѣе были паны и паничи, любовавшіеся народомъ, иногда и дѣйствительно любившіе его, но въ сущности, по рожденію, воспи-

танію и стремленіямъ житейскимъ, не составлявшіе съ народомъ одного цѣлаго. Шевченко въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ выводитъ на свѣтъ то, что лежало на днѣ души у народа, не смѣя, подъ тягостію вѣншихъ условій показаться—то, что народъ только смутно чувствовалъ, но не умѣлъ еще облечь въ ясное сознаніе. Поэзія Шевченки—поэзія цѣлаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такая поэзія, которую народъ самъ-бы долженъ былъ запѣть, еслибы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсень; или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передоваго человѣка. Такой поэтъ, какъ Шевченко, есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣяній—онъ народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ. Стихотворенія Шевченки не отступаютъ отъ формы и приемовъ малорусской народной поэзіи: онъ глубоко малорусскій; но въ то-же время ихъ значеніе никакъ не мѣстное: онъ постоянно носятъ въ себѣ интересы общечеловѣческіе. Шевченко не только малорусскій простонародный поэтъ, но вообще поэтъ простаго народа, людской громады, подавленной издавна условіями общественной жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствующей потребности иныхъ условій и уже начинающей къ нимъ стремиться, хотя еще и не видящей вѣрнаго исхода, а потому не рѣдко впадающей въ отчаяніе, грустной даже и тогда, когда ей въ душу заглядываетъ упованіе далекаго будущаго. «Мы вѣруемъ твоему слову, о Господи! восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній малорусскій пѣвецъ: «возстанетъ правда, возстанетъ свобода, и Тебѣ Единому поклонятся всѣ народы во вѣки!»

Понятно, что крѣпостное иго, тяготѣвшее надъ народомъ, встрѣчало въ Шевченкѣ ожесточенное негодованіе. «Видишь-ли—говоритъ онъ въ другомъ своемъ произведеніи—

въ этомъ раѣ снимають съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинають вдову за подати, берутъ въ войско единого сына, единую podporу; тамъ подъ плетнемъ умираеть съ голоду опухшій ребенокъ, тогда—какъ мать жнетъ на барщинѣ пшеницу; а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отреклись отъ нея, чужіе не принимаютъ ее, нищіе даже отворачиваются отъ нея.... а барчукъ.... онъ не знаетъ ничего: онъ съ двадцатою по счету (любовницею) пропиваетъ души. Видитъ-ли Богъ изъ-за тучъ наши слезы, горе? Видитъ и помогаетъ намъ столько же, сколько эти вѣковѣчныя горы, покрытыя человѣческою кровью! Не удивительно, что, живя и дѣйствуя въ періодъ сурожайшаго сохраненія существующаго порядка, малорусскій поэтъ, дерзнувшій открыть завѣсу тайника народныхъ чувствъ и желаній и показать другимъ то, что гнетъ и страхъ пріучили каждаго закрывать и боязливо заглушать въ себѣ, осужденъ былъ судьбою на тяжелыя страданія, которыхъ отголоски рѣзко отозвались въ его произведеніяхъ. Быть можетъ, съ тѣхъ поръ, какъ народъ освободился отъ одного изъ бремени, лежавшихъ на немъ—крѣпостнаго рабства, съ тѣхъ поръ, какъ Россія вообще уже вступила на путь преобразованій, такой поэтъ, какъ Шевченко, не можетъ повториться; дальнѣйшія улучшения въ жизни народа, дальнѣйшее его развитіе, должны проходить посредствомъ умственнаго труда и гражданской доблести, а не поэтическихъ возбужденій; иные предметы, иные приемы будутъ вдохновлять грядущихъ поэтовъ, но для Шевченки на всегда останется мѣсто въ плеядѣ великихъ и вѣщевъ славянскаго міра. Въ художественныхъ приемахъ онъ уступаетъ такимъ поэтамъ нашего племени, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, какъ уступалъ имъ вообще по воспитанію, хотя этотъ недостатокъ и значительно восполнялся силою его творческаго гения; но по животворности его идей, по благородству и всеобъемлемости чувства, по естественности и простотѣ—Шевченко превосходитъ ихъ. Его значеніе въ исторіи—не лите-

ратуры, не общества, авсей массы народа. Если новыя условія жизни, великіе перевероты и дѣйствіи рядъ иного рода событій унесутъ съ лица земли малорусскую народность, исторія обратится къ Шевченкѣ всегда, когда заговорить не только объ угаснувшей малорусской народности, но и вообще о прошлыхъ судьбахъ русскаго народа. Если когда-нибудь потомки долго страдавшаго, униженнаго, умышленно содержимаго въ невѣжествѣ мужика, будутъ пользоваться полною человѣческою свободою и плодами человѣческаго развитія, судьбы, прожитыя ихъ прародителями, не угаснутъ въ ихъ воспоминаніяхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, они съ уваженіемъ будутъ вспоминать и о Шевченкѣ, и вѣщѣ страданій ихъ предковъ, искавшихъ для нихъ свободы—семейной, общественной, духовной, вмѣстѣ съ ними и за нихъ терпѣвшихъ душою и тѣломъ, мыслию и дѣломъ.

Если мы укажемъ еще на весьма обстоятельную статью о Шевченкѣ профессора О. Миллера, служащую дополненіемъ къ его публичнымъ лекціямъ по новой русской литературѣ и помѣщенную имъ въ «Недѣлѣ» 1874 г., № 37, то читатели будутъ имѣть передъ собою достаточно авторитетныя и вполне безпристрастныя свидѣтельства ученыхъ историковъ о томъ великомъ значеніи, какое имѣетъ нашъ народный поэтъ, создать достойный памятникъ которому мы считаемъ священнымъ долгомъ русскаго общества, почему и беремъ на себя съ особеннымъ удовольствіемъ обязанность помогать исполненію этого долга.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько строкъ изъ статьи еще одного талантливаго профессора-публициста о томъ, почему именно Шевченко имѣетъ такое значеніе: «Что-же дало возможность этому крестьянину-сиротѣ, не прошедшему правильной школы, при самой жалкой жиз-

ненной обстановкѣ, стать на высокую ступень народнаго малорусскаго и даже общерусскаго поэта, подняться на высоту обще-славянскихъ просвѣтительныхъ и народныхъ интересовъ, и возбуждать интересъ общечеловѣческой? Что давало направленіе и поддержку его таланту? Ничто другое, какъ его кровная связь съ украинскимъ народомъ, его органическая потребность говорить своимъ живымъ украинскимъ словомъ и черпать свое вдохновеніе изъ тѣхъ народныхъ родниковъ, которые заключаютъ въ себѣ не мало живой воды и на будущее время».

О струнахъ Тарасовой кобзы.

Послѣ Гоголя, когда изображеніе «правды жизни» стало въ литературѣ общепризнаннымъ требованіемъ, выступаетъ новая школа беллетристовъ, поставившихъ себѣ задачей изображеніе тѣхъ общественныхъ (соціальныхъ) условій русской жизни, при которыхъ возрастали Гоголевскіе типы. Не отдѣльная личность, не ея пороки и слабости, а создающіе ее условія общественныхъ отношеній— вотъ тема беллетристическихъ произведеній этой соціальной школы писателей, во главѣ которыхъ являются Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ. Новые дѣятели, далеко не обладая художественнымъ талантомъ Гоголя, гораздо шире, глубже и серьезнѣе взглянули на русскую жизнь и потому не могли уже, конечно, обратиться къ ней съ Гоголевскою моралью (въ его «Перепискѣ съ друзьями»). Преобладающимъ сюжетомъ этой новой беллетристики стала судьба тѣхъ членовъ русскаго общества, которые являлись въ жизни наиболѣе угнетенными, безправными, «униженными и оскорбленными», благодаря извѣстнымъ исторически сложившимся условіямъ русской жизни. Положеніе крестьянина, чиновника и положеніе женщины— вотъ что стало преобладающей темой беллетристики.

Т. Г. Шевченко, лишенный солиднаго образованія,

возвышался однако умом своим надъ традиціонными темами художественной школы (Пушкинской) и по своимъ общественнымъ идеаламъ вполне сходилъ съ образованнѣйшими представителями прогрессивнаго меньшинства русскихъ литераторовъ. Положеніе крестьянства, горячій протестъ противъ всякаго насилія одного человѣка надъ другимъ — вотъ съ чѣмъ сразу выступилъ Шевченко въ литературѣ, и выступилъ въ такое время, когда, по словамъ проф. О. Миллера, «даже такіе робкіе намеки на крѣпостное право, какъ въ «Хоръ и Калынычъ» европейски образованнаго Тургенева, что, молъ, «г. Пелутыкинъ сапогъ новыхъ не хочетъ шить Калынычу», встрѣчались тогдашнимъ обществомъ, какъ нѣчто чрезвычайно новое и смѣлое».

Хотя первыя произведенія Шевченка и не печатались, но они расходились во множествѣ списковъ по всему югу Россіи и въ столицахъ. Такія стихотворенія, какъ «Иванъ Гусь», «Кавказъ», «Сонъ», «Холодный яръ», «Чигиринъ», «Посланіе до живыхъ и мертвыхъ и ненарожденныхъ землянкѣ» и т. п., написанныя между 1844 и 1847 гг., и не являлись въ русской печати, но были знакомы образованнымъ русскимъ людямъ, какъ знакома была въ свое время комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума» задолго до ея напечатанія. Такимъ образомъ, разсматривая поэзію Шевченка въ связи съ исторіей общерусской литературы, опредѣляя его мѣсто въ этой послѣдней, мы необходимо должны поставить его во главѣ соціальной школы, къ которой мы относимъ и поэта Некрасова.

Взглянувши такимъ образомъ на значеніе Шевченка въ исторіи общерусской литературы, мы должны отмѣтить въ произведеніяхъ его прежде всего одну очень важную

черту, а именно—вѣрность основнымъ мотивамъ, начиная съ первыхъ произведеній и оканчивая предсмертными. Эта черта, зависѣвшая главнымъ образомъ отъ личнаго характера поэта, который не зналъ большого несчастья, какъ «спаты ходячому, сердцемъ заираты и—гнилою колодою на свѣтѣ лежаты», въ высшей степени важна: ее не доставало такому великому художнику, какъ Пушкинъ. Способность жертвовать собой во имя какой либо общей, великой идеи, способность всю жизнь упорно исповѣдывать завѣтное убѣжденіе и переносить изъ за этого невзгоды житейскія—это всегда останется для людей самою возвышенной чертой человѣческаго характера. Этой-то чертой отличена личность Шевченка и она же отразилась въ его поэзіи. Замѣчательно то упорство, съ которымъ Шевченко ведетъ борьбу на смерть *за слово* лишь, за право «кныжечку мерещать». Въ глухой степи за Араломъ, окруженный самою неблагоприятною обстановкой солдатской жизни, онъ себя «розважа» стихами, не смотря на то, что этимъ «куетъ себя кайданы».

Чтобы тамъ ни было, говоритъ онъ

А я безъ віршы не улежу:

Уже два года промережавъ,

И третій въ добрый часъ почну.

Эту то благородную упрямку донесъ Шевченко въ себя до гробовой доски. Она то и не дала ему, несомнѣнно крупному художественному таланту, удалиться «въ широкошумныя дубровы» и жить лишь «для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Не могъ нашъ кобзарь, оставаясь на родинѣ, относиться равнодушно къ окружавшей его жизни.

А заброшенный на чужбину, онъ и тамъ только въ

своей поэтической дѣятельности находилъ единственное средство не «гнилою колодою на свѣті лежаты», а жить сердцемъ. Обращаясь къ думамъ своимъ, онъ проситъ:

Не кыдайте хочъ вы мене
Пры лыхій годьні!
Прылітайте, сызокрылі
Моі голубьята,
Изъ за Дніпра шырокого
У степь погуляты
З Киргизамы убогимы!

Наканунѣ праздника Рождества Христова въ 1848 году Шевченко пишетъ посланіе къ Ѡ. М. Лазаревскому: представляя себѣ, какъ этотъ праздникъ встрѣтятъ люди на Украинѣ, онъ рисуетъ своему другу печальную встрѣчу этого праздника невольникомъ въ пустынѣ, гдѣ «завтра рано завье голодный звѣр в пустыні, и новіе ураган холодный, и занесе піскомъ — снігомъ куринъ — мою хату. Оттак мені доведеться свято зустрічаты».

Но тѣмъ не менше: — «що ж дѣяты? на те и лыхо щобъ з тым лыхомъ бытысь...» Для скорбящаго друга онъ, лишенный не только свободы, но и самыхъ существенныхъ условій человѣческаго существованія, находитъ также слово утѣшенія:

... знай, що на свити
Тільки й тяжко, що в пустыни
У неволи жыты...
Та й там жыють, хоч погано...
Що ж дѣяты маю!
Треба б вѣрты, так надія,
Брате, не вмирає!

Эта-то надежда на торжество правды и поддерживала

Шевченка въ скорбныя минуты его жизни, виѣ этой надежды онъ не видѣлъ жизни:

Якъ же ёго у неволі
Жыты безъ надіі?
Навчѣть мене, люде добрі,
А то одурию!

Спасая свою собственную душу скорбными своими думами, онъ одушевлялся надеждою, что его слова — слезы не пропадутъ даромъ, что ими онъ поливаетъ добрую ниву, которая современемъ дастъ «добрі жыва». Хотя, конечно, не обходилось безъ сомнѣній, даже безъ отчаянія, хотя и очень много думъ своихъ начинаетъ поэтъ вопросомъ: зачѣмъ все это? нужно-ли кому? — но въ концѣ концовъ надежда на эти «добрі жыва» брала верхъ. «Сердце холонеть, говоритъ онъ, когда подумаю, что можетъ быть меня похоронять на чужой сторонѣ и эти думы тожь со мной похоронять и никто меня не вспомнитъ на Украинѣ!... А можетъ быть — современемъ эти думы «мерезани слезамы» и долетятъ когда нибудь на Украину... и упадутъ какъ роса на землю на горячее молодое сердце — «слезами тыхо упадутъ»!

Просматривая хронологически расположенныя произведенія Шевченка, мы замѣтимъ, что и начинается и оканчивается онъ годъ не личной жалобой на собственное свое положеніе, не скорбью о разбитомъ личномъ счастьи, а серьезной думой *объ Украинѣ, о народѣ*, скорбью о томъ общественномъ, народномъ горѣ, которое было слишкомъ близко его сердцу. Хорошо понималъ Шевченко, что «слова» поэта есть его «дѣла» а потому и задумывался такъ серьезно надъ вопросомъ:

Яки ж мене, мій Боже мылий,
Діла осудять на землі?

И конечно, ни одно *дѣло*, т. е. поэтическое произведение Шевченка, не скажетъ, что онъ хоть на минуту измѣнилъ основнымъ мотивамъ своей поэзіи, тѣмъ идеаламъ, тѣмъ чувствамъ, которыми одушевленъ онъ былъ вмѣстѣ съ лучшими народо-любцами своего времени. Какъ ни много житейскихъ невзгодъ причинило ему *слово*, но никогда не пожалѣлъ онъ о томъ, не сказалъ о немъ «даръ напрасный, даръ случайный»; онъ и въ неволѣ радостно привѣтствовалъ *слово* «кроткаго пророка, обличителя жестокихъ»: такъ привѣтствуетъ онъ Марка Вовчка, украинскіе рассказы котораго досталось ему прочитать въ далекомъ и глухомъ краю. И такъ онъ, и «по за Ураломъ блукавъ, и Господа благавъ, щоб паша правда не пропала, щоб наше слово не вмѣрало — и вылагавъ!...»

Онъ проситъ эту «силу молодую» :

Світы на мене и огрій
И оживи мое побуге,
Убоге серце, неукрыте,
Голоднее! И оживу,
И душу вольную на волю
Изъ домовны воззову!...

Шевченко вѣрилъ въ силу слова и никогда не злоупотребилъ имъ. Никогда не увлекался онъ красотою формы, которая въ его время еще высоко цѣнилась въ литературѣ; его муза, всегда серьезная и скорбная, никогда не спускалась до того легкомысленнаго отношенія къ слову, какое выразилось въ известной фразѣ Пушкина: «давай мнѣ мысль, какую хочешь» и т. д. Онъ понималъ, что «не

по мертвихъ его Господь пославъ голосыты, а живихъ на діло жизни воздыгаты», а потому и просилъ у Бога :

Даруй словамъ святую силу;
Людскее серце пробывати,
Людскіи слезы прольвати,
Щобъ милость душу осінля
..... щобъ навчылись
Путеми добрыми ходити.

Онъ самъ на себѣ испыталъ великую силу слова, слова народнаго, а потому то и могъ творить свои думы въ томъ же всегда серьезномъ тонѣ, какой слышится въ народной думѣ.

Ну що бѣ, здавалося, слова....
Слова та голосъ,— більшъ нічого....
А серце бѣгця, ожива,
Якъ їх почуе... Знать, одъ Бога
И голосъ той и ти слова
Идутъ мижъ люди.

Такъ говоритъ Шевченко о впечатлѣніи, производимомъ народною пѣсней. А на народной пѣснѣ выросла поэзія Шевченка. «Тонъ, которымъ заговорилъ Шевченко», пишетъ Д. Мордовцевъ, «былъ новъ для насъ и непривыченъ. Въ тонѣ этомъ какъ будто слышалось, что поэтъ заговорилъ не отъ своего имени, а отъ имени пославшихъ его, и не о своихъ боляхъ и ожиданияхъ, а о томъ, что творилось въ душѣ той вѣчно молчаливой массы мыслящихъ по своему индивидуумовъ, того вѣчно работающаго вѣраго люда, который давалъ міру знать о своемъ существованіи количествомъ вспаханной земли и четвертой вымолоченнаго хлѣба, да иногда тоскливой пѣснейю, слова которой рѣдко выражали то, что таила подъ собой грудь, вѣвшая такъ громко и размашисто».

Зналь Шевченко и то, какъ посмотреть на его думы, политыя слезами и ставшія «на папері сумными рядама», то общество, которое стояло *надъ* народомъ, которое держало въ рукахъ своихъ судьбу этого народа. Зналь онъ, какъ въ такомъ обществѣ проявляется талантъ, выросшій *внѣ* сферы народныхъ интересовъ: «Если хочешь денегъ, да еще и славы, пой про Матрену, про Парашу, радость нашу, султанъ, паркетъ, шпоры—вотъ гдѣ слава...

.... а то співа:
«Грає синє море»,
А самъ плаче, за тобою
И твоя громада
У сірякахъ!...

Но тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ не переставалъ Шевченко душой своей и *словомъ*, своей думой—пѣсней, принадлежать этой «громадѣ у сірякахъ», и конечно нѣтъ высшей награды, высшей славы для поэта, когда онъ дождется, что съ нимъ вмѣстѣ заплачетъ и эта громада...

Указавши на замѣчательную вѣрность Шевченка основнымъ мотивамъ своей поэзіи, своимъ идеаламъ, на серьезный тонъ и глубоко искренній характеръ всего написаннаго поэтомъ, я хочу остановиться на одной лишь темѣ его произведеній, а именно на его отношеніи къ судьбѣ женщины.

«Женщины, говоритъ проф. О. Миллеръ, занимаютъ едва ли не большую половину «Кобзаря», такъ точно какъ едва-ли не половина семейныхъ украинскихъ народныхъ пѣсень и сочинена женщинами. Совершенно сообразно духу и содержанию народныхъ пѣсень украинскихъ, Шевченко

начертилъ два идеальныхъ типа, или, можетъ быть, двѣ вариации типической малорусской женщины: одинъ — въ «Тополѣ», «Катеринѣ», «Наймичкѣ» — образъ *дівчини вірної*, которая, по пѣснямъ народнымъ, любовь называетъ «правдою», дівчины, которая, ставъ матерью, совершаетъ тотъ подвигъ самоотреченія, какой изображенъ въ «Наймичкѣ»; другой — въ основѣ тотъ же, но съ болѣе ясною примѣсью стремленія къ независимости, къ юмору: той, которая въ пѣснѣ говоритъ:

Тече річка невеличка,—схочу — перескочу:
Одай мене, моя мамо, за кого я хочу.

или:

Збудуй мені хаточку з лободы,
А в чужую, серденько, не веди!»

Этого типа Шевченко коснулся въ нѣсколькихъ лирическихъ пьесахъ (напр. «Якбы мені, мамо, намысто» и т. п.), и начертилъ живымъ эскизомъ въ сценахъ «Сотныкъ».

Но не на эти два типа, указываемые проф. Миллеромъ и дѣйствительно фигурирующіе въ произведеніяхъ Шевченка, я имѣлъ въ виду указать читателямъ. Я желалъ бы обратить вниманіе на то, какъ извѣстныя социальныя идеи, достояніе лишь немногихъ передовыхъ людей—современныхъ Шевченку, отразились и въ тѣхъ бытовыхъ картинахъ, въ которыхъ поэтъ, изображая существующія въ жизни социальныя отношенія, выводитъ на сцену женщинъ. Я хочу указать лишь на одинъ скорбный образъ женщины, являющійся въ произведеніяхъ Шевченка, какъ естественный продуктъ крѣпостнаго права, а именно на образъ женщины «покрытки».

Замѣчательно то гуманное чувство, съ которымъ относится Шевченко къ этимъ «покрыткамъ» и къ судьбамъ ихъ дѣтей. —

Но большею частію печальные образы являются въ воображеніи Шевченка при воспоминаніи о такихъ нарушительницахъ семейнаго закона; а какъ онъ къ нимъ относится — можно судить по той глубокой скорби, которую проникнуто напр. стихотвореніе «Матъ покрытка». Здѣсь поэтъ рисуетъ намъ двухъ матерей: счастливую, которая тѣшась своимъ ребенкомъ и дома, и въ людяхъ, несетъ домъ своего Ивана и ей кажется, что все село весь день смотрѣло на него, а рядомъ съ нею — мать несчастную, мать «покрытку», которой «старці навѣтъ цураютця»:

.... Села

Минаеш, плачучи, вночі,
И полемъ—степомъ идучи,
Свого ты сына закрываеш,
Бо й пташка иноді пізнае
И защебече:—онъ байстри
Несе покрытка на базарь.

Пропала ея дѣвчиця краса: все забрала дитиночка и «выгнала зъ хаты». Придется и ей услышать слово «мамо», — великое, найкращее слово. Ты обрадуешься и расскажешь всю правду своему ребенку о лукавомъ отцѣ его, и будешь счастлива... Только не надолго: не вырастетъ на рукахъ твоихъ родное дитя,

Пійде собі слипця водить,
А тебе покине
Калікою на роснутті.

Но не перестанетъ мать любить свое дитя, на горѣ ей и себѣ родившееся.

И любытимешъ, небого,
Поки не загинешъ
Межи псама, на морозі,
Де небудь підъ тыномъ...

Близко зная народную жизнь, много-бы могъ рассказать намъ правдивый художникъ о тѣхъ драматическихъ столкновеніяхъ, къ которымъ приводило крѣпостничество въ сферѣ любовныхъ отношеній; но у Шевченка, который самъ пережилъ это крѣпостное состояніе, не хватаетъ духу отнестись къ этимъ драматическимъ положеніямъ объективно: не даетъ намъ его муза эпического повѣствованія, а большею частію въ небольшомъ стихотвореніи, проникнутомъ чувствомъ жгучей боли, даетъ намъ намеки на тѣ положенія, которые онъ находилъ въ народной жизни. И какія разнообразныя формы находить въ этомъ случаѣ поэт!.. Оставайся всегда другомъ природы, онъ и въ ней находить образы для выраженія своего отношенія къ извѣстнымъ явленіямъ народной жизни. Нельзя не указать здѣсь на замѣчательное стихотвореніе «Лілея», гдѣ въ формѣ фантастическаго разговора цвѣтѣвъ представлено вполнѣ жизненное явленіе, — и какъ эта форма чужда всякой натянутости!..

И не безусловнымъ панегиристомъ мужика является въ этомъ случаѣ Шевченко: онъ изображаетъ и нравственную слабость женщины, отдающей пану изъ за выгоды житейскихъ (стих. «Між скалами, неначе злодій», Русалка), и безсердечное легкомысліе парубка (Тытарівна). Но преобладающимъ сюжетомъ этого рода произведеній остаются у Шевченка, какъ и слѣдовало ожидать, тѣ положенія, при которыхъ несчастье «дѣвицы», судьба «по-

крытокъ» прямо вытекаетъ изъ существовавшихъ въ жизни социальныхъ отношеній. Въ отвѣтъ на ту елейную мораль, которую приходилось, конечно, не разъ слышать въ «панскомъ» обществѣ и въ литературѣ, въ отвѣтъ на всё «мѣропріятія», которыми готовы были врачевать горе народное люди, часто весьма добросердечные, но чуждые идеаламъ Шевченка, онъ увѣренно отвѣчалъ:

Шкода й праці! Поки села,
Поки пань вь селахъ, —
Будуть собі тынятыся
Покрытки веселі
По шыночкахъ зъ москалямы,
И не турбуйся, брате!

Какъ ни мило и дорого было Шевченку село вообще, которое онъ такъ часто изображаетъ въ свѣтлыхъ, радостныхъ картинахъ, какъ ни рвался онъ въ этотъ «тихий рай», но тѣмъ не менѣе онъ ни на минуту не забывалъ дѣйствительнаго положенія, въ настоящемъ, этого «рая». Онъ возмущается тѣми элегіями, въ которыхъ «панычѣ» расписываютъ прелести бѣдной хижинки: Шевченко, пролившій первыя слезы въ этой «бѣдной хижинѣ» украинскаго села, не знаетъ,

Чи есть у Бога люте зло,
Щобъ у тій хаті не жило?

Не называетъ онъ раемъ «той хатыночки у гаї надъ чистымъ ставомъ, край села». Въ этой хатѣ—раю онъ видѣлъ, на себѣ испыталъ — «пекло».

Что Шевченко хорошо понималъ общую причину несчастій «села», что онъ далеко шире и глубже смотрѣлъ на народную жизнь, чѣмъ большинство его современниковъ-литераторовъ, тянувшихъ еще старую сентименталь-

ую пѣсню о «злоупотребленіяхъ» личныхъ. Это можно видѣть и изъ того, что въ произведеніяхъ своихъ Шевченко представилъ намъ и симпатичные образы изъ среды привилегированной, отъ которой зависѣла судьба крестьянскаго люда. Образы эти исключительно женскіе. Но, конечно, не ему было изображать свѣтлыми красками «дворянскія гнѣзда», живописно расположившіяся въ сельскесельскія палаты панскія.

Понятно, почему и образъ «покрытки» у Шевченка фигурируетъ большею частію рядомъ съ паномъ или панычемъ. Теперь, я думаю, каждому извѣстно, какъ широко практиковалось еще въ недалекомъ прошломъ, при полномъ отсутствіи общественныхъ и умственныхъ интересовъ въ помѣщичьемъ быту, это ужасное «право» частнаго пана на крѣпостную женщину. А вѣдь эту практику пришлось видѣть Шевченку лицомъ къ лицу. Выпывающія мало по малу на свѣтъ Божій воспоминанія современниковъ свидѣтельствуютъ, какъ правъ былъ Шевченко, говоря, что

.... Якъ бы розказати
Про якого небудь одного магната
Исторію—правду, то перелякати
Саме бѣ пекло можно; а Данта старого
Полупанкомъ нашимъ можно здыувати.

Поэтъ представилъ намъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ, небольшихъ разсказовъ, въ которыхъ является тотъ скорбный образъ «покрытки», какъ неизбежный результатъ извѣстныхъ социальныхъ отношеній. Но особенно драматичностью отличаются стихотворенія: «Не залоса, а нічъ якъ море» и «Якъ бы тобі довелоса» (стр. 90 и 453 въ изданіи Кожанчикова).

Первое изъ нихъ представляетъ разговоръ двухъ чашовыхъ, которые, бесѣдуя про свое «салдательское нежитіе», вспоминаютъ, какъ они попали въ солдаты. Слишкомъ обыкновенная исторія, ежедневно разыгрывавшаяся когда-то въ крестьянскомъ быту драма, привела одного изъ нихъ въ солдаты. Сошелся онъ, молодой парень, съ дѣвчушкой и идетъ просить ее у пана. Дорого оцѣнилъ панъ дѣвчушку, но парень не отчаивается: онъ идетъ добывать деньги и два года проходилъ по Черноморію, по Дону пока сколотилъ назначенную паномъ сумму. Приходить наконецъ, домой въ село, но—давно уже тамъ нѣтъ его Ганны, одну лишь старуху—мать ея засталъ онъ умирающею въ пустой хатѣ. Онъ къ сосѣдямъ: «Развѣ ты еще не знаешь? Твоя Ганнуся въ Сибирь пошла: ходила, видишь-ли, она до паннича, пока и родила ребенка, да бросила его въ колодезь». До сихъ поръ солдату страшно вспомнить, что было съ нимъ тогда: едва могъ выйти онъ изъ хаты и направился прямо въ панскія палаты и пожесть въ рукахъ. Но—«паннича» уже тамъ не было. Хотѣлъ было онъ съечь проклятыя палаты, или съ собою покончить, но—Богъ помиловалъ:

Остались и батько и маты,

А я пішовъ у москалі...

Въ другомъ стихотвореніи Швеченко представляетъ также одну изъ «обыкновенныхъ исторій» въ тогдашнемъ крестьянскомъ быту. На лугу гребли дѣвчата сѣно, а парубки складывали его въ коши. Вотъ «найкращая зъ всего села» пошла въ яръ къ колодезю по воду и что-то долго не возвращается. А «лановый», строгій къ отлучкамъ ее и не ищетъ: онъ самъ—угодникъ паннича, «стара се

бака, та ще й быта», онъ знаетъ, какую засаду устроилъ «панничъ несамовытій» этой «найкращей изъ села». Вдругъ донесся до гребцовъ раздрающій крикъ дѣвчушки. Бросились на крикъ парубки, прибѣжали въ яръ, но—кто-жъ посмѣетъ противъ паннича? Нашелся одинъ, который влами покончилъ съ паномъ на мѣстѣ его преступленія. И вотъ, спустя известное время, та самая дѣвчушка, уже засватанная, съ веселымъ свадебнымъ поѣздомъ встречается на дорогѣ.

Мі-жъ невольныками в путахъ

Тѣй самый єдиный

Іі местныкъ безталанний

Несе зъ Украіны

Ажъ у Сибір ланцюг-пута...

Взглянувъ на него, невѣста узнала, и вотъ въ ней промелькнула мысль, что вѣдь это онъ за нее несетъ эти пута, а она, отдаваясь личному счастью, не будетъ

Ни знаты, ни чуты

Его плачу всєдневною,—

и вотъ во время веселаго свадебнаго пира она скрывается и пропадаетъ на вѣки для роднаго села: она пошла догонять невольника и побрела съ нимъ—въ Сибирь.

Рисуя такія-то картины, въ которыхъ на мрачномъ фонѣ народной крѣпостной жизни страшнымъ укоромъ всему общественному строю является печальный образъ женщины—покрытки,—образъ, на который глядя, невольно вырывалось съ жгучею болью изъ груди поэта восклицаніе: «очі! очі! на що вы здалися? чом вы змалку не высохлы, слізьмы не злымыся?»—представляя въ известной поэмѣ своей «Сонъ» эту покрытку, которая «по під-тынню зъ байстрам шкандыбає»,—

Батько й маты одцуралысь
Й чужі люде не прыймають,
Старці новіть цураютьця...

Шевченко не могъ не пожелать подчасъ уйти по-
дальше отъ этого «рая».

Заклятый врагъ всяческаго насилія, а тѣмъ болѣе об-
леченнаго въ законное «право», Шевченко потому и из-
биралъ такъ часто темой своихъ пѣсень судьбу женщи-
ны, не какъ чувствительную струнку сентиментальныхъ
писателей, оплакивавшихъ «бѣдную Лизу», а какъ одно
изъ крупнѣйшихъ пятенъ на общемъ мрачномъ фонѣ *об-
щественнаго строя* жизни; не терялъ изъ виду нашъ
незабвенный Кобзарь зависимости частныхъ явленій отъ
причинъ болѣе общихъ, тяготѣвшихъ надъ народною жи-
знью, и смѣло выступалъ съ горячимъ протестомъ противъ
того, что имѣло еще за собой всю силу «права». Эту-то
горячую преданность идеѣ, искреннюю и беззавѣтную,
нельзя и въ данномъ случаѣ не отмѣтить въ Шевченкѣ,
на которомъ, какъ въ жизни его, такъ и въ поэзіи, оп-
равдались вполнѣ его-же слова, что «разъ добромъ на-
литое сердце вѣвѣкъ не простынетъ». —

Я кончилъ свои замѣтки, быть можетъ, безсвязно
набросанныя при перечитываніи «Кобзаря», и мысль
моя опять останавливается все на томъ же вопро-
сѣ, которымъ я задавался, писавши нѣсколько мѣсяцевъ
тому назадъ свое «Напоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ» (см.
«Од. Вѣст.» 1878 г. № 57): неужели-же такому поэту
не создадимъ мы достойнаго жизни его и поэзіи памятни-
ка?.. А пора-бы!.. Къ вамъ, читательницы, въ особеннос-
ти обращаюсь съ этимъ вопросомъ: на ваше сердце раз-

считывалъ и безсмертный Кобзарь, часто посвящавшій
вамъ свои пѣсни. «Чи заплаче сердце одно на всѣмъ свѣті,
якъ я зъ вами плакав?» спрашивалъ Шевченко про свои
пѣсни въ извѣстной, глубоко-грустной, «Думѣ», которую
начиналось первое изданіе «Кобзаря»:

..... Може, и вгадавъ...
Може найдеться дівоче
Серце, карі очі,
Що заплачуть на сі думи—
Я більше не хочу.

И эти очи, очи нашихъ матерей, дѣйствительно про-
лили горячія, искреннія слезы, и эти слезы были не по-
слѣднюю причину того общаго воодушевленія, которое
проявили наши отцы и въ жизни, и въ литературѣ, ког-
да развивалась одна изъ тяжчайшихъ цѣпей, сковывав-
шихъ народную жизнь,—крѣпостное право. Пусть-же ва-
ше сердце, отзываясь на думу Шевченка, далеко еще не
утратившую значенія «новаго слова», воодушевитъ об-
щество и къ другому великому дѣлу, соотвѣтствующему
новымъ условіямъ жизни, пусть оно поможетъ разбить
другія столь-же тяжелыя цѣпи, тяготѣющія надъ народ-
ною жизнью,—цѣпи невѣжества!

Устроенная на частныя добровольныя пожертвованія
въ память Т. Г. Шевченка хорошая *народная школа*—
это лучший *памятникъ народному поэту*. Создадимъ-же
на его родинѣ, или вблизи его могилы, этотъ вѣчный па-
мятникъ своими посильными пожертвованіями!

А. Т.

1953

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

~~80420.~~
H-81999.

К.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА